

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 77 Brisbane, Australia, January 2020

Брисбен

77

Январь 2020 г.

“The Pearl” / “Zemchuzhina”

Literary and Educational Journal in the Russian Language.

Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

Brisbane, Australia.

«Жемчужина»

Литературно-художественный образовательный журнал.

Выпуск - 4 раза в год.

Оформление цветной обложки - © Tamara Maleevsky

Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

National Library of Australia cataloguing-in-publication data

“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language

Index

ISSN 1443-0266

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически.

Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Адрес для связи:

tamaleevpearl@gmail.com или tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

*** Просьба:** посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

Tel: редакция - (07) 3161-49-27 mobile: 0404559294

Читать электронную версию журнала в Интернете - <http://zhemchuzhina.yolasite.com>

Бумажная версия журнала только по предварительному заказу: -

Цена отдельного номера - \$ 10.00 плюс пересылка по Австралии и упаковка (\$ 3.50).

Стоимость годовой подписки - 4 журнала - \$ 50.00 плюс пересылка по Австралии.

С Рождеством Христовым и Новым 2020 годом!

Редакция «Жемчужины» поздравляет читателей, подписчиков и друзей журнала с Рождеством Христовым и Новым 2020 годом! Здоровья всем, счастья и успеха в добрых начинаниях...

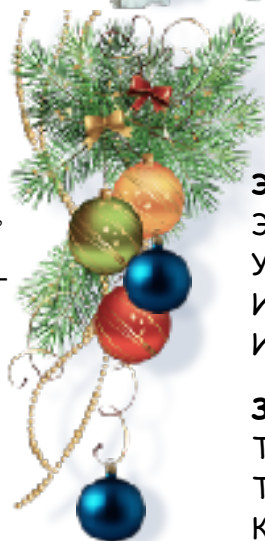
Отче Наш

Я слышал - в келии простой
Старик молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
«Отец людей, Отец Небесный!
Да имя вечное Твое
Святится нашими сердцами;
Да придет Царствие Твое,
Твоя да будет воля с нами,
Как в небесах, так на земли.
Насущный хлеб нам ниспошли
Своею щедрою рукою;
И как прощаем мы людей,
Так нас, ничтожных пред Тобою,
Прости, Отец, Своих детей;
Не ввергни нас во искушение,
И от лукавого прельщения
Избави нас!..»
Перед крестом
Так он молился. Свет лампы
Мерцал впотьмах издалика,
И сердце чайло отрады
От той молитвы старика.

А.С. ПУШКИН.

Рождество Христово -
Праздник дорогой,
Звезд ночных сиянье,
Благость и покой.
Падают снежинки,
На душе весна,
Зимние картинки
Сказочного сна.
Тайною сочельник
Неземной объят,
А пушистый ельник
Прячет медвежат.
Ангелы ликуют,
Мягкий снег кружит,
Святость торжествует,
Ну, а зло дрожит.
В храмах много люда -
Все пришли сюда,
Чтоб прославить чудо
Рождества Христа.
А над всей вселенной
В мириадах звезд
Празднует Рожденье
Сам Иисус Христос.

Владимир Невярович.

Этот мир из несслыханной сказки,
Эти, в блёстках до рези, откосы,
У овинов синичная россыпь.
И блескучая позвонь салазок,
И алмазная прорубь на плёсе!

За околицей - вольная воля!
Только скрип, словно режут капусту,
Только иней, каляный до хрусту.
Крикнешь-свистнешь в глухое безмолвье -
Снег с деревьев шарахнется густо.

Татьяна ГРИБАНОВА.

Бедные родственники

Сумерки располагают к раздумью, но никак не к работе. Они - Сумерки - об этом знают и потому нагружать себя не любят. Особенно с приходом лета. В это время года они откровенно пребывают в лени. На землю спускаются ненадолго, просто прогуляться. Летнему Дню не досаждают, лишь шепнут на ушко: «Отдыхать пора», - и весь разговор. А у Летнего Дня столько за день хлопот, столько дел, столько впечатлений, что совет Сумерек воспринимает он с благодарностью.

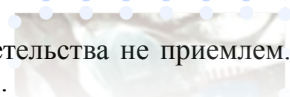
Честно сказать, Летний День считал Сумерки просто бедными родственниками. Они такими и были: ничего не просили, но от подачек не отказывались. Хотя однажды Летний День решил подарить Сумеркам яркий цветастый сарафанчик, в который одевается Поле, солнечный луч - украшение Неба и синий шёлковый платочек, которым укрывает плечи Речка. Однако вместо благодарности услышал День весьма жёсткие слова: "Мы хоть и бедные, но гордые. Мы Second Hand не берём. Благодетельства не приемлем. Хочешь сделать подарок - дари маленькие сувениры. Например, минутки.

Щедлость Летнего Дня была подобна расточительству. Достигнув своего апогея, не глядя, стал отщипывать Бедным родственникам минутку, другую, третью. Чуть не горстями эти минутки отдавал. А хитрые Сумерки, памятуя человеческую мудрость - копейка рубль бережёт, переиначили её на свой лад: минутка бережёт час. И берегли минутки. Кстати, время от времени и сами воровато откусывали их от Летнего Дня.

Когда на смену Летнему Дню пришёл День Осенний, наследство ему досталось весьма "обкусанное". Дальше - хуже. Привыкнув к подачкам, требовали Сумерки новых и новых минут. Судом грозились, едва до криминальных разборок дело не дошло.

К **Зиме** Осенний день пришёл кротким и слабым. Утром - сумрачно. Только День пытается расправить плечи, - на него наступают Сумерки. Широким фронтом наступают, мглой покрывают. "Хватит, - кричат, - считать нас бедными родственниками! Ныне мы правим бал!"

В бесконечные промозглые осенние сумерки, скажу честно, бедной родственницей считаю себя я. С какой радостью готова была бы сейчас получить в подарок веселый цветастый летний сарафанчик, в который одевалось поле, солнечный луч, которым украшало себя небо, синий шёлковый платочек, который набрасывала на плечи речка. Увы... кругом одни сумерки.

Фотография из Интернета.

Проза.ру © Copyright: Алла Слонимерова, 2013

Свидетельство о публикации №213112000571

Печатается с любезного разрешения автора.

Алла Слонимерова.

Улыбка - это поцелуй души. (М. Антрим)

*А за окном гуляют Дождь с Дождихой...
(Мне жаль, что люди видят только дождь).
Она с ним по бульвару бродит тихо,
А он ей заливаает... Ну и что ж...
Шуршат листвою, укутываясь в вечер,
Сегодня им не хочется спешить.
Для них ведь осень - это время встречи -
Особенное время для души.
Они негромко шлепают по лужам,
Стуча морзянкой капельной: прием...
Дождю с Дождихой совсем не скучно
Шагать по мокрой осени вдвоем.*

© Елена Бродская

"Если тебя считают верблюдом, плюй на всех"
(Владимир Голобородько)

Зимой

Найду ль такой порядок слов,
Чтоб записать в души скрижаль
Лесов серебряный покров,
Полей заснеженную даль?

Как грусть напева уловить,
Что пропoeт зимой буран,
Чтоб песню стужи единить
С огнём своих сердечных ран?

Найду ли светлый тон снегов,
Чтоб чистоты вписать штрихи
В тот беспорядок вещей слов,
Что называем мы стихи?..

Александр Лазутин.
сайт "Свете Тихий"

Основы христианской культуры

«О ЗАСТАВЛЕНИИ И НАСИЛИИ» - начало в № 73

7. О СИЛЕ И ЗЛЕ - окончание...

Тело человека укрывает за собою и его дух, и его страсти, но укрывает их так, что телесно обнаруживает их, как бы высказывает их на другом, чувственно внешнем языке; так что прозорливый глаз может как бы прочесть душевную речь человека за органическую аллегориею (буквально: иносказанием) его внешнего состава и его внешних проявлений. Быть может, язык тела, этой вещественной ткани невещественной доброты и злобы, элементарнее, грубее душевно-духовного языка, но в земной жизни людям, укрытым порошью за своими индивидуальными телами, не дано сообщаться друг с другом иначе, как через посредство их тел: взглядом, голосом, жестом, касанием передают они друг другу о своих внутренних состояниях и отношениях, сигнализируя произвольно и непроизвольно. И если

неизбежно и допустимо, чтобы человек человеку телесно выражал сочувствие, одобрение и приятие, то столь же неизбежно и допустимо, чтобы люди телесно передавали друг другу несочувствие, неодобрение и неприятие, т. е. и духовное осуждение, и праведный гнев, и волевое противодействие.

И вот физическое воздействие на другого человека против его согласия и в знак решительного волевого сопротивления его духовно неодобряемому, внешнему поведению может оказываться единственным духовно точным и духовно искренним словом общения между людьми. И притом так, что это воздействие, душевно напрягая и потрясая обе стороны и формулируя их духовное расхождение и борьбу на языке физической силы, отнюдь не становится враждебным ни верно понятой духовности человека, ни верно понятой любви.

Духовно здоровый человек не может не возмущаться при виде внутренне торжествующего и внешне изливающегося зла; он не может не чувствовать, что несопротивление ему есть не только попушение, и одобрение, и молчаливое ободрение, но и соучастие в его поступке; считая злодея по совести - буйным очагом противодуховности и видя тщету духовного и словесного понуждения, он не может, не смеет, не должен воздерживаться от внешнего пресечения. Ибо тело человека не выше его души и не священнее его духа, оно совсем не есть неприкосновенное святилище злобы или неприступное убежище порочных страстей. Тело злодея есть его орудие, его орган, оно не отдельно от него, он в нем присутствует, он в него влит и через него изливает себя в мир. Его тело есть территория его злобы, и эта духовно опустошенная территория отнюдь не экстерриториальна для чужого духа. Благоговейный трепет перед телом злодея, не трепещущего перед лицом Божиим, противоестествен: это моральный предрассудок, духовное малодушие, безволие, сентиментальное суеверие. Этот трепет, сковывающий каким-то психозом здоровый и верный порыв духа, - ведет человека под флаг «непротивления злу насилием» к полному несопротивлению злу, т. е. к духовному дезертирству, предательству, пособничеству и самораствлению.

Физическое воздействие на другого человека против его воли духовно показуется в жизни каждый раз, как внутреннее самоуправление изменяет ему и нет душевно-духовных средств для того, чтобы предотвратить непоправимые последствия ошибки или злой страсти. Прав тот, кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника, кто вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося самоубийцы, кто вовремя ударит по руке прицеливающегося революционера, кто в последнюю минуту собьет с ног поджигателя, кто выгонит из храма кощунствующих бесстыдников, кто бросится с оружием на толпу солдат, насилующих девочку, кто свяжет невменяемого и укротит одержимого злодея. Злобу ли проявит он в этом? Нет - осуждение, возмущение, гнев и подлинную волю к недопущению объективации зла. Будет ли это поправлением духовного начала в человеке? Нет, но волевым утверждением его в себе и волевым призывом к нему в другом, обнаруживающем свою несостоятельность. Будет ли это актом, разрушающим любовное единение? Нет, но актом, верно и мужественно проявляющим духовное разъединение между злодеем и незлодеем. Будет ли это изменою Божьему делу на земле? Нет, но верным и самоотверженным служением ему.

Но, может быть, это будет все-таки «насилием»? Не всякое применение силы к «несогласному» есть насилие. Насильник говорит своей жертве: «ты средство для моего интереса и моей

похоти», «ты не автономный дух, а подчиненная мне одушевленная вещь», «ты во власти моего произвола». Напротив, человек, творящий понуждение или пресечение от лица духа, не делает понуждаемого средством для своего интереса и своей похоти, не отрицает его автономной духовности, не предлагает ему стать покорной одушевленной вещью, не делает его жертвой своего произвола. Но он как бы говорит ему: «смотри, ты управляешь собою невнимательно, ошибочно, недостаточно, дурно и стоишь накануне роковых непоправимостей», или: «ты унижаешься, ты буйно безумствуешь, ты попираешь свою духовность, ты одержим дыханием зла, ты невменяем - и губишь, и гибнешь, - остановись, здесь я полагаю этому предел!» И этим он не разрушает духовность безумца, а полагает начало его самообуздания и самостроительству; он не унижает его достоинства, а понуждает его прекратить свое самоунижение; он не попирает его автономию, а требует ее восстановления; он не «насилует» его «убеждений», а потрясает его слепоту и вводит ему в его сознание его беспринципность; он не укрепляет его противоположность, а полагает конец его бьющему через край ненавистничеству. Насильник нападает, пресекающий отражает. Насильник требует покорности себе самому, понудитель требует повиновения духу и его законам. Насильник презирает духовное начало в человеке, понудитель чтит его и обороняет. Насильник своекорыстно ненавистничает, пресекающий движим не злобою и не жадностью, а справедливым предметным гневом.

Конечно, есть и черты сходства: и насильник и пресекающий - не уговаривают и не ласкают, оба воздействуют на человека, вопреки его «согласию» оба не останавливаются перед воздействием на его внешний состав. Но какое же глядение поверху необходимо для того, чтобы на основании этих формальных аналогий утверждать существенную одинаковость и духовную равнозапретность насилия и пресечения?

Итак, все учение о противодуховности и противоположности физического понуждения и пресечения, направленного против злодея, падает как несостоятельное, как предрассудок и суеверие. Противодуховно и противоположно не понуждение и не пресечение, а злобное насилие; совершая его, человек всегда неправ: и тем, что зол, и тем, что объективировал свою злобу, и тем, что презрел чужую духовность, и тем, что превратил другого в средство своей похоти; и неправота его остается, независимо от того, что его поступок в конечном счете принесет пострадавшему и, может быть, даже ему самому - нравственную пользу или нравственный вред.

Понуждение, направленное против злодея, и злобное насилие, против кого бы оно ни было направлено, - не одно и то же; смешение их непредметно, несправедливо, пристрастно и слепо.

Но если, таким образом, физическое пересечение и понуждение человека человеком не есть зло, то и зло отнюдь не сводимо к воздействию на человека через посредство его тела или к причинению физических страданий ближнему.

В самом деле, зло может проявляться и обычно проявляется совсем не только в виде физического насилия и связанных с ним физических мучений. Наивно было бы думать, что деятельность злодея сводится к физическому нападению, отнятию имущества, ранению, изнасилованию и убиению. Конечно, все эти деяния обычно мало затрудняют или совсем не затрудняют злодейскую душу, и, поражая внешние блага других людей, злодеи наносят им через это и жизненный, и душевный, и духовный ущерб. Мало того, насилующие злодеи, сговорившись и организовавшись, могут нанести неисчислимый вред духовной жизни не только отдельных людей, но и целых народов, и всего человечества. И тем не менее физическое насилие не есть ни единственное, ни главное, ни самое губительное проявление их злодейства.

Человек гибнет не только тогда, когда он беднеет, голодает, страдает и умирает, а тогда, когда он слабеет духом и разлагается нравственно и религиозно. Не тогда, когда ему трудно жить или невозможно поддерживать свое существование, а тогда, когда он живет унижительно и умирает позорно. Не тогда, когда он страдает или терпит лишения и беды, а когда он предается злу. И вот довести человека до этого самопредания, до несопротивления, до покорности, до наслаждения злом и преданности ему - бывает гораздо легче не физическим насилием, а другими, более мягкими средствами; мало того, именно физическое насилие ведет нередко к обратному результату: к очищению души, укреплению и закалению духовной воли. Зло гораздо легче входит в душу, прокрадываясь и увлекая, чем насилуя и ломая; для него бывает целесообразнее надеть личину, чем сразу обнаружить свою отвратительность. ***Поэтому злодеи, желая одолеть незлодеев, не только насилуют и убивают, но восхваляют зло, носят добро, лгут, клеветуют, льстят, пропагандируют и агитируют. Потом, приобретя авторитет, приказывают и запрещают, исключают и понуждают угрозами***, искушают, чувственно опьяняя взор, и слух, и сознание, угождая дурным инстинктам и разжигая их до состояния страстного кипения. Они будят в душах чувство обиды, зависти, вражды, мстительности, ненависти и злобы, ставят людей в тягостные, унижительные, невыносимые условия жизни, подкупают выгодой, почетом, властью, стараются подорвать в душе чувство собственного достоинства, уважения и доверия людей друг к другу, приучают ко злу простой повторностью, бесстыдным примером, незаметным заражением, внушением, расшатанием воли, привитием порочных душевных меха-

низмов и стремятся покрыть все это явной удачливостью, безнаказанностью, гамом упоенного пиршества...

Озлобленное насилие и убийство сгущают, конечно, отвратительную атмосферу этого злодейского шествия, но главным проявлением зла и самым губительным последствием его остается именно качественное извращение и архитектурное разложение живого духа. Само насилие при всей его внешней грубости несет свой яд не столько телу, сколько духу, самое убийство, при всей его трагической непоправимости, предназначается не столько убиваемым, сколько остающимся в живых. И то и другое вселяет страх и усиливает действие соблазна: колеблет волю, будит страсти, искажает очевидность...

Вот почему надо признать, что внешнее насилие проявляет зло и закрепляет его действие, но зло совсем не определяется и не исчерпывается внешним насилием.

Таково правильно понятое соотношение между физическим понуждением, насилием и злом.

И. ИЛЬИН.

*Бывает, что всё удаётся.
Не пугайтесь, это пройдёт.* (Жюль Ренар)

*"Когда виновных слишком много,
все они остаются безнаказанными"*
(Маккиавелли)

Пока мы живы, можно всё исправить,
Всё осознать, раскаяться, простить.
Врагам не мстить, любимым не лукавить,
Друзей, что оттолкнули, вернуть.

Пока мы живы, можно оглянуться,
Увидеть путь, с которого сошли.
От страшных снов очнувшись, оттолкнуться
От пропасти, к которой подошли.

Пока мы живы... Многие ль сумели
Остановить любимых, что ушли?
Мы их простить при жизни не успели,
И попросить прощенья не смогли...

Тугая боль, - вины последний штрих, -
Скребёт, изводит холодом по коже.
За всё, что мы не сделали для них,
Они прощают. Мы себя - не можем...

Когда они уходят в тишину,
Туда, откуда точно нет возврата,
Порой хватает нескольких минут
Понять - о Боже, как мы виноваты!

И фото - чёрно-белое кино.
Усталые глаза - знакомым взглядом.
Они уже простили нас давно
За то, что слишком редко были рядом,

За не звонки, не встречи, не тепло.
Не лица перед нами, просто тени...
А сколько было сказано не то,
И не о том, и фразами не теми.

Эдуард АСАДОВ.

Февраль

Лес задумался о снеге,
Шалью зимнею покрыт,
Отдыхает ельник в неге,
А морозец всех бодрит.

В деревнях трещат заборы.
Всё как будто в дивном сне.
Кружевные омофоры
Выткал иней на окне.

Разожгу огонь я в печке,
Пусть поленья прогорят.
А у дома на крыльчке
Корки снежные хрустят.

Артём Миронов
"Свете Тихий"

Памяти Роберта Скотта

Крест среди снежной равнины.
Глыбы блестящего льда.
В праздничных фраках пингвины.
И ледяная вода.
Берег крушенья надежды.
Гавань разбитой мечты.
Манят они, как и прежде,
Тех, кто со смертью на «ты».
Знать, всё же дорого стоит -
Верить, страдать и искать,
Коль остаются герои
В снежной пустыне лежать.

Валерий Румянцев.
Россия.

От редакции: Подводя Итоги

Харбин - осколок России

Харбин, Харбин... Мне было четыре с половиной года, когда родители - как и все русские эмигранты - вынуждены были покинуть этот удивительный... осколок старой России. С тех пор мы ездили по свету: чужие страны, чужие языки и общество. И мы - всегда и везде - чужие...

Несмотря на то, что помню себя очень рано, о Харбине у меня только детские воспоминания. О настоящем Харбине знаю по рассказам родителей, родственников, а также - множества русских эмигрантов, и затем уже - из книг.

И всё же мне дорог этот город. Дорог уже хотя бы потому, что дух Харбина сопровождал нашу семью во всех странствиях по свету. Потому что дух Харбина - это был, в сущности, дух прежней, утраченной для нас России, то - из чего были сделаны отец а мать, и который жил - вольно или невольно - даже в нас, детях.

Именно это - стремление хотя бы нам с сестрой вернуть потерянную родину заставило когда-то родителей принять трудное решение: покинуть Польшу, Штетин, - где мы успели обосноваться по приезде из Харбина, и в 1958-м году отправиться в Новосибирск. Прошли четыре нерадостных для родителей года в «советской России», о которых они всю жизнь с грустью вспоминали: «Легче быть чужим среди чужих...»

А для меня лично...

Русский снег

Я тоскую по русскому снегу,
По искрящейся русской зиме,
По таёжному лыжному бегу
И бревенчатой старой избе.

Вспоминается детство далёкое
И трескучий сибирский мороз,
Возле дома - сугробы глубокие,
Воздух колет мне щёки и нос...

Мы для всех были - птицы залётные,
В те хрущёвские годы тепла:
Жизнь харбинцев была одинокая,
Полна горечи, холода, льда.

Не могу я забыть слёзы матери,
Не забудется горе отца:
«Для России мы жизнь бы потратили!
Всё бы отдали ей, до конца!»

И простились с Сибирью мы, снежной,
Оторвали мы РУСЬ от себя!
Но запомнились в памяти нежной
Мне - искристой Сибири снега...

январь 1998 г.

А потом была Австралия.

Декабрь 1964 года. Вспоминается утро на борту парохода «Галилео-Галилей» и первые очертания австралийской земли - далёкий, едва различимый в тумане, скалистый берег...

Не успел наш «Галилей» войти в Сиднейскую Гавань - как тут же мы угодили на австралийское Рождество. И сразу - нестерпимый зной и сизое небо, что, казалось, сидело на плечах. После Варшавского снега, австралийское лето - в декабре! - было настоящим шоком.

Ещё большим испытанием оказалась новая среда, школа: в то время австралийцы, не в обиду будь сказано, воспринимали иностранцев, особенно русских... с недоверием.

К русским харбинцам тоже заняло время привыкнуть: для меня, подростка, многое казалось необычным; да и мы, побывавшие в «Союзе», кому-то казались «советскими».

Однако, прошло немного времени, и общий харбинский дух стёр все границы, потому что не только взрослые, даже русская молодёжь, что уже слегка «обавстралиилась», - все они дышали воздухом дореволюционной России. Православные праздники, традиции, семейные встречи, русские школы и дома для престарелых, клубы, благотворительные вечера, концерты и постановки, молодёжные мероприятия - спектакли, лагеря... - одним словом, русская жизнь процветала. И всё это создавали они - высококультурные русские харбинцы.

Так Австралия стала нашим домом. Навсегда. Не боюсь этого слова, потому что именно тогда - в те далёкие годы, в Австралии - я по-настоящему поняла, что я тоже осколок Харбина, а значит, старой России. И ещё, потому что здесь я всегда могла - мы все могли - свободно исповедовать свою русскость, свою веру.

С тех пор прошло более 50-и лет. Появились дети, выросли внуки. Мои путешествия не закончились, но теперь они были счастливыми: по долгу службы, вместе с мужем, мы посетили много стран. И каждый раз, в конце пути, я с нетерпением рвалась «домой» - в Австралию,

чтобы снова услышать смех кукабарры, шорох эвкалиптов, почувствовать запах раскалённой земли. Чтобы там - в чуждой англоязычной среде - услышать чистую речь харбинцев и... почувствовать себя русской. И невольно, в память об этих поездках, рождались стихи: -

Испанское лето

Кабальеро. Испанское лето.
Пляска страстная. Юбок зарницы.
Жаркий взор. Каблуки. Кастаньеты.
Жизнь на плаху для донны-царицы.

Дикий зной. Необузданный нрав.
Бой неравный. И хрипы быков.
Стоны. Кровь. И последний покров.
Победитель бывает лишь прав...

Ласки жаркие. Бешеный взор.
Страсти яркие вспыхнут - и гаснут.
Кабальеро... Тореадор -
Свою жизнь погубил ты напрасно.

Монастырь. Монт-Серрата громада.
Тают в сумраке юбок зарницы...
Холод камня. Обрыв возле сада.
И Мадонна. И слёзы царицы...

6-8-2015

С годами, узнавая харбинцев ближе, - видя их достойное поведение и огромный, неоценимый вклад в развитие и культуру страны, - отношение местных австралийцев стало меняться в лучшую сторону. Ко многому они привыкли, и сейчас иные - в числе лучших друзей харбинцев. Немало и таких австралийцев, кто принял Православие, и даже духовный сан, кто-то стал членом семьи, как говорится, «родней-родного». Полюбили австралийцы и русскую литературу, и песни, особенно - кухню. Но самое главное: по сей день потомки харбинских эмигрантов не только продолжают трудиться на благо страны, - их достижения в области искусства, науки и техники создали мировое имя самим, и подняли престиж Австралии.

Искренно восхищаясь тем, что создавали русские харбинцы в Австралии на протяжении долгих десятилетий, мне также хотелось, по мере сил, внести свою лепту. Более 12 лет я преподавала в университете нашего штата, и там же, в Институте (при UQ) - русский язык как иностранный. Помимо работы как таковой, лично для меня - это был шанс донести до австралийцев красоту русской культуры; хотелось, чтобы они, не взирая на официальную политику, сумели понять и полюбить тысячелетнюю историю России и её народ. Также работала переводчицей. И ещё - более 30-и лет работала с детьми в русской прицерковной школе.

Пишу статьи, воспоминания, стихи, рассказы. Публиковалась как в австралийско-русской периодике, так и в России. Издала 4 своих сборника. Вот уже более 20 лет издаю литературный журнал «Жемчужина».

О «Жемчужине» всегда говорила: это мой скромный дар Харбинцам и - Русской Земле.

Дымок в тумане

Утренний туман над сквером.
Слёзы фонарей.
На углу - фигура в сером.
Примус у дверей.

Тянет ветром запах дыма -
Жарятся каштаны.
Но толпа проходит мимо.
Сырость и туманы.

Утренний туман густеет.
Старика шатает.
Примус. Огонёк лишь тлеет...
Тихо догорает.

Larissa. Greece.

Тамара Малеевская. Брисбен. 2017.

В С С Ы Л К Е

Старый Семен, прозванный Толковым, и молодой татарин, которого никто не знал по имени, сидели на берегу около костра; остальные три перевозчика находились в избе. Семен, старик лет шестидесяти, худощавый и беззубый, но широкий в плечах и на вид еще здоровый, был пьян; он давно бы уже пошел спать, но в кармане у него был полуштоф, и он боялся, как бы в избе молодцы не попросили у него водки. Татарин был болен, томился и, кутаясь в свои лохмотья, рассказывал, как хорошо в Симбирской губернии и какая у него осталась дома красивая и умная жена. Ему было лет двадцать пять, не больше, а теперь, при свете костра, он, бледный, с печальным болезненным лицом, казался мальчиком.

- Оно, конечно, тут не рай, - говорил Толковый. - Сам видишь: вода, голые берега, кругом глина и больше ничего... Святая давно уже прошла, а на реке лед идет, и утром нынче снег был.

- Худо! худо! - сказал татарин и огляделся с испугом.

Шагах в десяти текла темная холодная река; она ворчала, хлопала об изрытый глинистый берег и быстро неслась куда-то в далекое море. У самого берега темнела большая баржа, которую перевозчики называют "карбасом". Далеко на том берегу, потухая и переливаясь, змейками ползали огни: это жгли прошлогоднюю траву. А за змейками опять потемки. Слышно, как небольшие льдины стучат о баржу. Сыро, холодно...

Татарин взглянул на небо. Звезд так же много, как дома у него, такая же чернота кругом, но чего-то недостает. Дома, в Симбирской губернии, совсем не такие звезды и не такое небо.

- Худо! худо! - повторил он.

- Привыкнешь! - сказал Толковый и засмеялся. - Теперь ты еще молодой, глупый, молоко на губах не обсохло, и кажется тебе по глупости, что несчастней тебя человека нет, а придет время, сам скажешь: дай Бог всякому такой жизни. Ты на меня погляди. Через неделю времени пройдет вода и поставим тут паром, вы все пойдете по Сибири гулять, а я останусь и зачну ходить от берега к берегу. Уж двадцать два года так хожу. День и ночь. Щука и нельма под водой, а я над водой. И слава Богу. Ничего мне не надо. Дай Бог всякому такой жизни.

Татарин подложил в костер хворосту, лег поближе к огню и сказал:

- У меня отец хворый человек. Когда он помрет, мать и жена сюда приедут. Обещали.

- А на что тебе мать и жена? - спросил Толковый. - Одна глупость, брат. Это тебя бес смущает, язви его душу. Ты его не слушай, проклятого. Не давай ему воли. Он тебе насчет бабы, а ты ему назло: не желаю! Он тебе насчет воли, а ты упрись и - не желаю! Ничего не надо! Нету ни отца, ни матери, ни жены, ни воли, ни двора, ни кола! Ничего не надо, язви их душу!

Толковый потянул из бутылки и продолжал:

- Я, братуша, не мужик простой, не из хамского звания, а дьячковский сын и, когда на воле жил в Курске, в сюртуке ходил, а теперь довел себя до такой точки, что могу голый на земле спать и траву жрать. И дай Бог всякому такой жизни. Ничего мне не надо и никого я не боюсь, и так себя понимаю, что богаче и вольнее меня человека нет. Как прислали меня сюда из России, я с первого же дня уперся: ничего не хочу! Бес мне и про жену, и про родню, и про волю, а я ему: ничего мне не надо! Уперся на своем и вот, как видишь, хорошо живу, не жалуюсь. А ежели кто даст поблажку бесу и хоть раз послушается, тот пропал, нет ему спасения: завязнет в болоте по самую маковку и не вылезет. Не то, что ваш брат, глупый мужик, но и благородные и образованные пропадают. Лет пятнадцать назад прислали сюда из России одного барина. С братьями что-то там не поделил и в завещании фальшь сделал какую-то. Сказывали, из князей или баронов, а может, и просто из чиновников - кто его знает! Ну, приехал сюда барин и первым делом купил себе в Мухортинском дом и землю. "Хочу, говорит, своим трудом жить, в поте лица, потому что, говорит, я теперь не господин, а поселенец". Что ж, говорю, помогай Бог, дело хорошее. Человек он был тогда молодой, хлопотун, заботливый; сам и косил, бывало, и рыбу ловил, и верхом верст за шестьдесят ездил. Только вот беда: с первого же года стал ездить в Гырино, в почтовую контору. Стоит, бывало, у меня на пароме и вздыхает: "Эх, Семен, что-то долго не шлют мне из дому денег!" Не надо, говорю, Василий Сергеич, денег. К чему они? Вы старое-то бросьте, забудьте, как будто его вовсе не было, будто снилось оно только, а начинайте жить сызнова. Не слушайте, говорю, беса, - он до добра не доведет, в петлю затянет. Теперь вы денег желаете, говорю, а пройдет мало-мало времени и, гляди, чего другого захотите, а потом и еще и еще. Ежели, говорю, желаете для себя счастья, то первое всего ничего не желайте. Да... Уж ежели, говорю ему, нас с вами судьба обидела горько, то нечего у ней милости просить и кланяться ей в ножки, а надо пренебрегать и смеяться над ней. А то она сама насмеется. Так и говорю ему... Года через два перевозю я его на эту сторону, а он потирает руки и смеется. "Еду, говорит, в Гырино жену встречать. Пожалела, говорит, меня, приехала. Хорошая она у меня, добрая". А сам от радости даже запыхался. Вот через день едет с женой. Дама молодая, краси-

вая, в шляпке; на руках младенец-девочка. И всякого багажу много. А Василий Сергеич мой вертится около нее, не наглядится и никак не нахвалится. "Да, брат Семен, и в Сибири люди живут!" Ну, думаю, ладно, не обрадуешься. И с той поры, почитай, каждую неделю, стал он в Ырино наведываться: не пришли ли из России деньги. Денег-то понадобилось пропасть. "Она, говорит, ради меня тут в Сибири свою молодость и красоту губит и, говорит, со мной мою горькую долю делит, и через это, говорит, я должен предоставлять ей всякое удовольствие..." Чтoб барыне веселей было, завел он знакомство с чиновниками и с шушерой всякой. А всю эту компанию, известно, кормить и поить надо, да чтoб и фортепьян был, и собачка лохматенькая на диване, - чтoб она издохла... Роскошь, одним словом, баловство. Прожила с ним барыня недолго. Где ей? Глина, вода, холодно, ни тебе овоща, ни фрукта, кругом необразованные да пьяные, никакого обхождения, а она дама балованная, столичная... Известно, соскучилась. Да и муж, как ни говори, уже не барин, а поселенец - не та честь. Года через три, помню, ночью под самый Успеньев день кричат с того берега. Пошел я туда на пароме, гляжу - барыня, вся окутавшись, а с ней молодой господин, из чиновников. Тройка... Перевез я их сюда, сели - и поминай, как звали! Только их и видели. А под утро Василий Сергеич скачет на паре. - "Не проезжала ли тут, Семен, моя жена с господином в очках?" Проезжала, говорю, - ищи ветра в поле! Поскакал он вдогонку, суток пять гнался. Когда после перевозил я его на ту сторону, он повалился на паром и давай головой биться о доски и выть. То-то вот, говорю, и есть. Смеюсь и припоминаю ему: "И в Сибири люди живут!" А он еще пуще бьется... Потом это захотелось ему воли. Жена в Россию подалась, и его, значит, туда потянуло, чтoб ее повидать и от любовника вызволить. И стал он, братец ты мой, чуть не каждый день скакать то на почту, то в город к начальству. Всё прошения посылал и подавал, чтoб его помиловали и назад домой вернули, и сказывал он, на одни телеграммы у него рублей двести пошло. Землю продал, дом жидам заложил. Сам поседел, сторбился, с лица желтый стал, словно чахоточный. Говорит с тобою, а сам: кхе-кхе-кхе... и слезы на глазах. Промаялся так с прошениями годов восемь, а теперь опять ожил и веселый стал: новое баловство придумал. Дочка, видишь, выросла. Глядит на нее и не надышится. А она, правду говорить, ничего себе: красивенькая, чернобровая и нрава бойкого. Каждое воскресенье он в Ырино ездит с ней в церковь. Стоят оба на пароме рядышком, она смеется, а он с нее глаз не сводит. "Да, говорит, Семен, и в Сибири люди живут. И в Сибири бывает счастье. Погляди-ка, говорит, какая у меня дочка! Чай, другой такой и за тысячу верст не сыщешь". Дочка, говорю, хорошая, это верно, действительно... А сам про себя думаю: "Ужо погоди... Девка она молодая, кровь играет, жить хочется, а какая тут жизнь?" И стала, брат, она тосковать... Чахла-чахла, извелась вся, заболела и теперь без задних ног. Чахотка. Вот тебе и сибирское счастье, язви его душу, вот тебе и в Сибири люди живут... Стал он всё по докторам ездить и возить их к себе. Как слышит, что верст за двести или за триста есть доктор или знахарь, так и едет за ним. Страсть сколько денег на докторов ушло, а уж по-моему лучше пропить эти деньги... Всё равно помрет. Помрет она всенепременно, а он тогда совсем пропал. Повесится с тоски или в Россию убежит - дело известное. Убежит, а его поймают, потом суд, каторга, плетей попробует...

- Хорошо, хорошо, - пробормотал татарин, пожимаясь от озноба.

- Что хорошо? - спросил Толковый.

- Жена, дочка... Пускай каторга и пускай тоска, зато он видал и жену и дочку... Ты говоришь, ничего не надо. Но ничего - худо! Жена прожила с ним три года - это ему Бог подарил. Ничего - худо, а три года - хорошо. Как не понимаешь?

Дрожа, с напряжением подбирая русские слова, которых он знал немного, и заикаясь, татарин заговорил о том, что не приведи Бог захворать на чужой стороне, умереть и быть зарытым в холодной ржавой земле, что если бы жена приехала к нему хотя на один день и даже на один час, то за такое счастье он согласился бы принять какие угодно муки и благодарил бы Бога. Лучше один день счастья, чем ничего.

Затем он опять рассказал, какая у него осталась дома красивая и умная жена, потом, взявшись обеими руками за голову, он заплакал и стал уверять Семена, что он ни в чем не виноват и терпит напраслину. Его два брата и дядя увели у мужика лошадей и избили старика до полу-смерти, а общество рассудило не по совести и составило приговор, по которому пошли в Сибирь все три брата, а дядя, богатый человек, остался дома.

- Привы-ыкнешь! - сказал Семен.

Татарин замолчал и уставился заплаканными глазами на огонь; лицо у него выражало недоумение и испуг, как будто он всё еще не понимал, зачем он здесь в темноте и в сырости, около чужих людей, а не в Симбирской губернии. Толковый лег около огня, чему-то усмехнулся и затянул вполголоса песню.

- Что ей за радость с отцом-то? - проговорил он, немного погодя. - Он ее любит, утешается, это точно; но, брат, тоже пальца в рот ему не клади: строгий старик, крутой старик. А молодым девкам не строгость нужна... Им нужна ласка да ха-ха-ха, да хи-хо-хо, духи да помада. Да... Эх,

дела, дела! - вздохнул Семен и тяжело поднялся. - Водка вся вышла, значит, спать пора. А? Пойду, брат...

Оставшись один, татарин подложил хворосту, лег и, глядя на огонь, стал думать о родной деревне и о своей жене; приехала бы жена хоть на месяц, хоть на день, а там, если хочет, пусть уезжает назад! Лучше месяц или даже день, чем ничего. Но если жена сдержит обещание и придет, то чем ее придется кормить? Где она будет тут жить?

- Если нет чего-чего кушать, то как живи? - спросил вслух татарин.

За то, что он теперь день и ночь работал веслом, ему платили только десять копеек в сутки; правда, проезжие давали на чай и на водку, но ребята делили весь доход между собой, а татарину ничего не давали и только смеялись над ним. А от нужды голодно, холодно и страшно... Теперь бы, когда всё тело болит и дрожит, пойти в избушку и лечь спать, но там укрыться нечем и холоднее, чем на берегу; здесь тоже нечем укрыться, но всё же можно хоть костер развести...

Через неделю, когда вода совсем спадет и поставят тут паром, все перевозчики, кроме Семена, станут уже не нужны, и татарин начнет ходить из деревни в деревню и просить милостыни и работы. Жене только семнадцать лет; она красивая, избалованная, застенчивая, - неужели и она будет ходить по деревням с открытым лицом и просить милостыню? Нет, об этом даже подумать страшно...

Уже светало; ясно обозначались баржа, кусты тальника на воде и зыбь, а назад оглянуться - там глинистый обрыв, внизу избушка, крытая бурою соломой, а выше лепятся деревенские избы. На деревне уже пели петухи.

Рыжий глинистый обрыв, баржа, река, чужие, недобрые люди, голод, холод, болезни - быть может, всего этого нет на самом деле. Вероятно, всё это только снится, - думал татарин. Он чувствовал, что спит, и слышал свой храп... Конечно, он дома, в Симбирской губернии, и стоит ему только назвать жену по имени, как она откликнется; а в соседней комнате мать... Однако, какие бывают страшные сны! К чему они? Татарин улыбнулся и открыл глаза. Какая это река? Волга?

Шел снег.

- Подава-ай! - кричал кто-то на той стороне. - Карба-а-ас!

Татарин очнулся и пошел будить товарищей, чтобы плыть на ту сторону. Надевая на ходу рваные тулупы, бранясь хриплыми спросонок голосами и пожимаясь от холода, показались на берегу перевозчики. После сна река, от которой веяло пронизывающим холодом, по-видимому, казалась им отвратительной и жуткой. Не спеша попрыгали они в карбас... Татарин и три перевозчика взяли за длинные весла с широкими лопастями, похожие в потемках на рачьи клешни, Семен навалился животом на длинный руль. А на той стороне всё еще продолжали кричать и два раза выстрелили из револьвера, думая, вероятно, что перевозчики спят или ушли на деревню, в кабак.

- Ладно, успеешь! - проговорил Толковый тоном человека, убежденного, что на этом свете нет надобности спешить - всё равно, мол, толку не выйдет.

Тяжелая неуклюжая баржа отделилась от берега и поплыла меж кустов тальника, и только по тому, что тальник медленно уходил назад, заметно было, что она не стояла на одном месте, а двигалась. Перевозчики мерно, враз, взмахивали веслами; Толковый лежал животом на руле и, описывая в воздухе дугу, летал с одного борта на другой. Было в потемках похоже на то, как будто люди сидели на каком-то допотопном животном с длинными лапами и уплывали на нем в холодную унылую страну, ту самую, которая иногда снится во время кошмара.

Миновали тальник, выплыли на простор. На том берегу уже слышали стук и мерное плесканье весел и кричали: "Скорей! скорей!" Прошло еще минут с десять, и баржа тяжело ударила о пристань.

- И всё оно сыплет, и всё оно сыплет! - бормотал Семен, вытирая с лица снег. - И откуда оно берется, Бог его знает!

На той стороне ждал худощавый, невысокого роста старик в полушубке на лисьем меху и в белой мерлушковой шапке. Он стоял поодаль от лошадей и не двигался; у него было угрюмое, сосредоточенное выражение, как будто он старался что-то вспомнить и сердился на свою непослушную память. Когда Семен подошел к нему и, улыбаясь, снял шапку, то он сказал:

- Спешу в Анастасьевку. Дочери опять хуже, а в Анастасьевку, говорят, нового доктора назначили.

Втащили тарантас на баржу и поплыли назад. Человек, которого Семен назвал Василием Сергеевичем, всё время, пока плыли, стоял неподвижно, крепко сжав свои толстые губы и глядя в одну точку; когда ямщик попросил у него позволения покурить в его присутствии, он ничего не ответил, точно не слышал. А Семен, лежа животом на руле, насмешливо глядел на него и говорил:

- И в Сибири люди живут. Живу-ут!

На лице у Толкового было торжествующее выражение, как будто он что-то доказал и будто радовался, что вышло именно так, как он предполагал.

Несчастный, беспомощный вид человека в полушубке на лисьем меху, по-видимому, доставлял ему большое удовольствие.

- Грязно теперь ехать, Василий Сергеич, - сказал он, когда на берегу запрягали лошадей. - Погодили бы ездить еще недельки с две, пока суше станет. А то и вовсе бы не ездили... Ежели бы толк какой от езды был, а то, сами извольте знать, люди веки вечные ездят, и днем и ночью, а всё никакого толку. Право!

Василий Сергеич молча дал на водку, сел в тарантас и поехал дальше.

- Вот, за доктором поскакал! - сказал Семен, пожимаясь от холода. - Да, ищи настоящего доктора, догоняй ветра в поле, хватай чёрта за хвост, язви твою душу! Экие чудачки, Господи, прости меня грешного!

Татарин подошел к Толковому и, глядя на него с ненавистью и с отвращением, дрожа и примешивая к своей ломаной речи татарские слова, заговорил:

- Он хорошо... хорошо, а ты - худо! Ты худо! Барин хорошая душа, отличный, а ты зверь, ты худо! Барин живой, а ты дохлый... Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина! Камню надо ничего и тебе ничего... Ты камень - и Бог тебя не любит, а барина любит!

Все засмеялись; татарин брезгливо поморщился, махнул рукой и, кутаясь в свои лохмотья, пошел к костру. Перевозчики и Семен поплелись в избушку.

- Холодно! - прохрипел один перевозчик, растягиваясь на соломе, которою был покрыт сырой глинистый пол.

- Да, не тепло! - согласился другой. - Жизнь каторжная!..

Все улеглись. Дверь отворилась от ветра, и в избушку понесло снегом. Встать и затворить дверь никому не хотелось: было холодно и лень.

- А мне хорошо! - проговорил Семен засыпая. - Дай Бог всякому такой жизни.

- Ты, известно, семикаторжный. Тебя и черти не берут.

Со двора послышались звуки, похожие на собачий вой.

- Что это? Кто это там?

- Это татарин плачет.

- Ишь ты... Чудак!

- Привы-ыкнет! - сказал Семен и тотчас же заснул.

Скоро заснули и остальные. А дверь так и осталась не затворенной.

А.П. ЧЕХОВ

Легче убить льва, чем вывести клопов. (К. Буни)

АКВАРЕЛИ

Январь. Ни неба, ни туч. Только белёсая пелена. Дождики. Мокро. Нудно.

Всё! Хочу лютый холод и литой могучий лёд на Амуре. Сейчас напишу настоящий снежный пейзаж.

...Самые трескучие морозы - утренники. Пред рассветом на стылых деревьях накапливается опока - косматая изморозь. От неслышных ветерков лёгкие кудельки тихо опадают, их нежные охачочки белее белых снегов.

К полудню небо ярко-синее, порою фиалковое, солнце в иголочках зимней радуги. Девчонки варежки к щёчкам прикладывают, озябшие пальчики дыханием греют. Вокруг румяных лиц на пушистых шальях и шапках каждая ворсинка в инее. И на тяжёлых ресницах иней: ах, какими сказочными бриллиантами лучится сквозь них зима...

Но отчего я о зиме? Почему не о лете?

...Уж поверьте, только на моём Амуре бывает летом такое глубокое небо.

Уйти в прибрежную степь и навзничь лечь. Зажать в зубах твёрдую травинку. Смотреть в не постижимую синеву, очаровываясь тихим движением клубящихся облаков. Слушать тонкие трели невидимых птиц, стрекот кузнечиков, звон цикад, громкий шорох крыльев стрекоз, тёплые порывы ветра, доносящие далёкий гвалт речных чаек. Вдыхать волшебные запахи диких цветов...

Импрессии. Есть такая техника в живописи - акварелью по мокрому, пейзажи ею делаются лёгкими прикосновениями тонкой кисти.

Александр Герасимов.

*Все великие люди
мало жили.
Вот и мне что-то
нездоровится...*

СНЕГОПАД

Тишина выпадает без зова, и взгляда, и жеста.
 Тишина невесома, без времени, запаха, места.
 Тишиною лечусь, как завидным, редчайшим лекарством.
 Тишиной открываю я двери в февральское царство.
 Тишины ниспадает покров осторожный и мягкий
 на мою распушённую гриву заснеженной мавки.
 Так лучист этот полог, воздушен, засвечен, безбрежен
 и, как утренний сон малыша, глубоко безмятежен.
 Я вмещаю его, это робкое зимнее чудо,
 не поняв, ни за что мне оно снизошло, ни откуда
 этот сказочный лес, эти лёгкие белые перья.
 В тишину я расту, в тишину раскрываюсь теперь я.

© Светлана Скорик.

Мавка - персонаж украинской мифологии, злой дух, русалка. По ряду признаков близка русалке.

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Вдали от шума, фарисейства,
 В глухой пещерке обретаясь,
 Рожденье Сына зрит Семейство,
 Как тайну-тайн, с бессмертьем связь!
 Их лики святостью велики,
 Их созерцать достойно вновь!
 А в яслях - пеленами свитый
 Само Блаженство и Любовь!
 И в Рождество волшебной ночи,
 Под ликование пастухов,
 Мир вдруг узрел Того воочию,
 Кто есмь Начало всех веков!
 Кто есть Источник жизни нашей,
 Кто - Истина и Благодать,
 Кто в Таинстве незримом в Чаше
 Дарит путь к вечности опять!..
 И в ночь, когда земля проснётся,
 Седьмым заснеженным числом,
 Над всей Вселенной пронесётся:
 «Всех вас с Христовым Рождеством!»

Владимир Невярович

Однажды возлюбленный пришел к дому своей Возлюбленной. Он постучал в дверь. «Кто там?», - спросила Возлюбленная. Человек ответил: «Это я, любящий тебя». - «Уходи, - сказала Возлюбленная, - на самом деле ты не влюблен». Прошли годы, возлюбленный снова пришел в дверям своей Возлюбленной и постучал. «Кто там?», - спросила Возлюбленная. На этот раз человек ответил: «Это ты». - «Теперь, когда ты - это я, - ответила Возлюбленная, - ты можешь войти». *Джалаладдин Руми.*

*Слово - серебро,
 молчанье - золото...*

Серебро легло на золото,
 Скрыв резные изразцы:
 Что так радовало смолоду
 Превратилось в студенцы.

Ну да нас, привыкших сдерживать
 Сожаленья о былом,
 Не смутит безлистость дерева –
 Ветки остры наголо!

Ничего... Во льду ли, в инее,
 Древесина ли, душа,
 Коротаем ночи длинные,
 Падать духом не спеша.

Серебро легло на золото -
 Красота на красоту.
 Стынут души не от холода, -
 Грейте словом немоту.

Светлана Тишкина

Когда рак свистнул

Рождественский ужас

Елка догорела, гости разъехались.

Маленький Петя Жаботыкин старательно выдирал мочальный хвост у новой лошадки и прислушивался к разговору родителей, убиравших бусы и звезды, чтобы припрятать их до будущего года. А разговор был интересный.

- Последний раз делаю елку, - говорил папа Жаботыкин. - Один расход, и удовольствия никакого.

- Я думала, твой отец пришлет нам что-нибудь к празднику, - вставила мама Жаботыкина.

- Да, черта с два! Пришлет, когда рак свистнет.

- А я думал, что он мне живую лошадку подарит, - поднял голову Петя.

- Да, черта с два! Когда рак свистнет.

Папа сидел, широко расставив ноги и опустив голову. Усы у него повисли, словно мокрые, бараны глаза уныло уставились в одну точку.

Петя взглянул на отца и решил, что сейчас можно безопасно с ним побеседовать.

- Папа, отчего рак?

- Гм?

- Когда рак свистнет, тогда, значит, все будет?

- Гм!...

- А когда он свистит?

Отец уже собрался было ответить откровенно на вопрос сына, но, вспомнив, что долг отца быть строгим, дал Пете легонький подзатыльник и сказал:

- Пошел спать, поросенок!

Петя спать пошел, но думать про рака не перестал. Напротив, мысль эта так засела у него в голове, что вся остальная жизнь утратила всякий интерес. Лошадки стояли с невыдранными хвостами, из заводного солдата пружина осталась невыломанной, в паяце пищалка сидела на своем месте - под ложечкой, - словом, всюду мерзость запустения. Потому что хозяину было не до этой ерунды. Он ходил и раздумывал, как бы так сделать, чтобы рак поскорее свистнул.

Пошел на кухню, посоветовался с кухаркой Секлетиньей. Она сказала:

- Не свистит, потому что у него губов нетути. Как губу наростит, так и свистнет.

Больше ни она, ни кто-либо другой ничего объяснить не могли.

Стал Петя расти, стал больше задумываться.

“Почему-нибудь да говорят же, что коли свистнет, так все и исполнится, чего хочешь”.

Если бы рачий свист был только символ невозможности, то почему же не говорят: «когда слон полетит» или «когда корова зачирикает». Нет! Здесь чувствуется глубокая народная мудрость. Этого дела так оставить нельзя. Рак свистнуть не может, потому что у него и легких-то нету. Пусть так! Но неужели же не может наука воздействовать на рачий организм и путем подбора и различных влияний заставить его обзавестись легкими.

Всю свою жизнь посвятил он этому вопросу. Занимался оккультизмом, чтобы уяснить себе мистическую связь между рачьим свистом и человеческим счастьем. Изучал строение рака, его жизнь, нравы, происхождение и возможности.

Женился, но счастлив не был. Он ненавидел жену за то, что та дышала легкими, которых у рака не было. Развелся с женой и всю остальную жизнь служил идее.

Умирая, сказал сыну:

- Сын мой! Слушайся моего завета. Работай для счастья ближних твоих. Изучай рачье телосложение, следи за раком, заставь его, мерзавца, изменить свою натуру. Оккультные науки открыли мне, что с каждым рачьим свистом будет исполняться одно из самых горячих и искренних человеческих желаний. Можешь ли ты теперь думать о чем-либо, кроме этого свиста, если ты не подлец! Близорукие людишки строят больницы и думают, что облагодетельствовали ближних. Конечно, это легче, чем изменить натуру рака. Но мы, мы - Жаботыкины, из поколения в поколение будем работать и добьемся своего!

Когда он умер, сын взял на себя продолжение отцовского дела. Над этим же работал и правнук его, а праправнук, находя, что в России трудно заниматься серьезной научной работой, переехал в Америку. Американцы не любят длинных имен и скоро перекрестила Жаботыкина в мистера Джеба, и, таким образом, эта славная линия совсем затерялась и скрылась от внимания русских родственников.

Прошло много, очень много лет. Много на свете изменилось, но степень счастья человеческого осталась ровно в том же положении, в каком была в тот день, когда Петя Жаботыкин, выдирая у лошадки мочальный хвост, спрашивал:

- Папа, отчего рак?

По-прежнему люди желали больше, чем получали, и по-прежнему сторали в своих несбыточных желаниях и мучились.

Но вот стало появляться в газетах странное воззвание:

«Люди! Готовьтесь! Труды многих поколений движутся к концу! Акционерное общество «Мистер Джеб энд компани» объявляет, что 25 декабря сего года в первый раз свистнет рак, и исполнится самое горячее желание каждого из ста человек (1%). Готовьтесь!»

Сначала люди не придавали большого значения этому объявлению. «Вот, - думали, - верно, какое-нибудь мошенничество. Какая-то американская фирма чудеса обещает, а все сведется к тому, чтобы прорекламировать новую вакцину. Знаем мы их!»

Но чем ближе подступал обещанный срок, тем чаще стали призадумываться над американской затеей, покачивали головой и высказывались надвое.

А когда новость подхватили газеты и поместили портрет великого изобретателя и снимок с его лаборатории во всех разрезах, никто уже не боялся признаться, что верит в грядущее чудо.

Вскоре появилось и изображение рака, который обещал свистнуть. Он был скорее похож на станкового пристава из Юго-Западного края, чем на животное хладнокровное. Выпученные глаза, лихие усы, выражение лица бравое. Одет он был в какую-то вязаную куртку со шнурками, а хвост не то был спрятан в какую-то вату, не то его и вовсе не было.

Изображение это пользовалось большой популярностью. Его отпечатывали и на почтовых открытках, раскрашенное в самые фантастические цвета, - зеленый с голубыми глазами, лиловый в золотых блесках и т. д. Новая рябиновая водка носила ярлык с его портретом. Новый русский дирижабль имел его форму и пятился назад. Ни одна уважающая себя дама не позволяла себе надеть шляпу без рачьих клешней на гарнировке.

Осенью компания «Мистер Джеб энд компани» выпустила первые акции, которые так быстро пошли в гору, что самые солидные биржевые «зайцы» стали говорить о них почтительным шепотом.

Время шло, бежало, летело. В начале октября сорок две граммофонные фирмы выслали в Америку своих представителей, чтобы записать и обнародовать по всему миру первый рачий свист.

25 декабря утром никто не заспался. Многие даже не ложились, высчитывая и споря, через сколько секунд может на нашем меридиане воздействовать свист, раздавшийся в Америке. Одни говорили, что для этого пойдет времени не больше, чем для электрической передачи. Другие кричали, что астральный ток быстрее электрического, а так как здесь дело идет, конечно, об астральном токе, а не о каком-нибудь другом, то... и так далее.

С восьми часов утра улицы кишели народом. Конные городовые благодушно наседали на публику лошадиными задами, а публика радостно гудела и ждала. Объявлено было, что тотчас по получении первой телеграммы дан будет пушечный выстрел.

Ждали, волновались. Восторженная молодежь громко ликовала, строя лучезарные планы. Скептики кряхтели и советовали лучше идти домой и позавтракать, потому что, само собой разумеется, ровно ничего не будет, и дураков валять довольно глупо.

Ровно в два часа дня раздался ясный и гулкий пушечный выстрел, и в ответ ему ахнули тысячи радостных вздохов.

Но тут произошло что-то странное, непредвиденное необычное, что-то такое, в чем никто не смог и не хотел увидеть звена сковывавшей всех цепи: какой-то высокий толстый полковник вдруг стал как-то странно вдваться, точно нарочно; он весь разбух, слился в продолговатый шар; вот затрещало пальто, треснул шов на спине, и, словно радуясь, что преодолел неприятное препятствие, полковник звонко лопнул и разлетелся брызгами во все стороны.

Толпа шарахнулась. Многие, взвизгнув, бросились бежать.

- Что такое? Что же это?

Бледный солдатик, криво улыбаясь трясущимися губами, почесал за ухом и махнул рукой:

- Вяжи, ребята! Мой грех! Я ему пожелал: «Чтоб те лопнуть!»

Но никто не слушал и не трогал его, потому что все в ужасе смотрели на дико визжавшую длинную старуху в лисьей ротонде; она вдруг закружилась и на глазах у всех словно юркнула в землю.

- Провалилась, подлая! - напутственно прошамкали чьи-то губы.

Безумная паника охватила толпу. Бежали, сами не зная куда, опрокидывая и топча друг друга. Слышался предсмертный храп двух баб, подавившихся собственными языками, а над ними громкий вой старика:

- Бейте меня, православные! Моя волюшка в этих бабах дохнет!

Жуткая ночь сменила кошмарный вечер. Никто не спал. Вспоминали собственные черные желания и ждали исполнения над собою чужих желаний.

Люди гибли как мухи. В целом свете только одна какая-то девчонка в Северной Гвинее выиграла от рачьего свиста: у нее прошел насморк по желанию тетки, которой она надоела беспрерывным чиханьем. Все остальные добрые желания (если только они были) оказались слишком вялыми и холодными, чтобы рак мог насвистать их исполнение.

Человечество быстрыми шагами шло к гибели и погибло бы окончательно, если бы не жадность «Мистера Джеба энд компани», которые, желая еще более вздуть свои акции, переутомили рака, понуждая его к непосильному свисту электрическим раздражением и специальными пилюлями.

Рак сдох.

На могильном памятнике его (работы знаменитого скульптора по премированной модели) напечатана надпись:

*«Здесь покоится свистнувший экземпляр рака -
собственность «Мистера Джеба энд компани»,
утоливший души человеческие и насытивший пламеннейшие их желания.
- Не просыпайся!»*

*Незавидна участь того, кому
никто не завидует" (Эсхил)*

Вот и снова зима. Белокрылая птица-орлица
Снова в зыбке качает до свету метельный Орёл.
От Полесья до Мценска, от Брянской до Курской границы
Круговерть до небес, не сыскать городишек и сёл.
Иногда вдруг голодной, усталой от бега волчицей,
Вдруг сверкнёт в полудиком оскале луна.
Кто-то грузный и злой станет в двери медведем ломиться
И тереть, и скрести рукавицей о наледь окна.
А к рассвету сугробы упруги, как девичьи груди.
Перемёрзлой брусникою брызжет каляный восток.
И гуляка-ветрище, как пёс беспризорный, приبلудный,
Наконец, отсыпаться завалится в клеверный стог.
И потянет в просторы, где наст серебристый и хрусткий.
Не беда, что до звона колючая ломкая стынь.
Станет вдруг горячо и светло на душе средне-русской
Оттого, что в бору о любви раскричались клесты.

Татьяна ГРИБАНОВА.

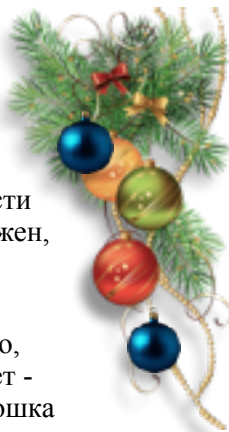

А холодно не только от погоды:
От снега, или дождика сырого -
Мы замерзаем, проживая годы
Не понимая важности простого -

Не в деньгах радость, чине или власти
Им дела нет - здоров ты иль простужен,
Простое человеческое счастье -
Когда есть те, кому ты очень нужен.

Кто ждет тебя домой, глядя в окошко,
И без притворства сердцем обнимает -
Не страшно, если в доме хлеба - крошка
Страшней, когда любви там не бывает...

Сергей Лапыткин

Надежда Тэффи.

*Если бы другие не были дураками,
мы были бы ими. (У. Блейк)*

Влюбляются не в лица, не в фигуры,
И дело, как ни странно, не в ногах.
Влюбляются в тончайшие натуры
И трещинки на розовых губах.
Влюбляются в шероховатость кожи,
В изгибы плеч и легкий холод рук,
В глаза, что на другие не похожи,
И в пулеметно-быстрый сердца стук.
Влюбляются во взмах ресниц недлинных
И родинки на худеньких плечах,
В созвездие веснушек чьих-то дивных
И ямочки на бархатных щеках.
Влюбляются не в лица, не в фигуры -
Они всего лишь маски, миражи.
Влюбляются надолго лишь в натуры,
Влюбляются в мелодии души.

Анна Шаркунова.

МАЭСТРО

Рассказ.

Нина Ивановна, спустя много-много лет, всё-таки вернулась однажды в Ильинку. В храме она остановилась перед кануном, сжимая в руке пучок простеньких свечек; зажигая и расставляя их, шептала имена, на мгновение воскрешая в памяти полузабытые лица давно ушедших. Вошла сегодня в храм Нина Ивановна без опаски, не остерегаясь осуждающего чужого глаза, не как в далёкой юности...

Тогда все её ещё звали просто Нинкой, Ниночкой. Она собиралась идти учиться в десятый класс, когда её отца, подполковника, заместителя командира танковой части, из города в Подмосковье перевели в глухую северную глубинку. Нинка с мамой особо не отчаивались, собрались быстро: что поделывать, судьба военная такая. Да и отца с войны четыре года ждали, вернулись совсем недавно.

Нинка теперь после уроков в новой школе, бывшем купеческом особняке в центре городка, домой не мчалась как угорелая: не мелочь пузатая уже; а вышагивала, не торопясь, в окружении сверстников, форсисто задрав носик и помахивая портфельчиком в руке. Голову рослой Нинки украшала свёрнутая в тяжелую корону русая коса.

Ближе к околице ватага сверстников таяла. Дальше девчонке по полевой дороге, вдоль жидкого перелеска, до бараков воинской части предстояло бежать одной. Из мальчишек-одноклассников в провожатые пока никто не набивался, видимо, робея Нинкиного городского гонора и под стать ему характера.

Миновав околицу, Нинка прибавляла шаг, потом уж чуть ли не бежала. От заносчивой девчонки не оставалось и следа, мчалась как последняя трусишка. Ещё бы: в продуваемом насквозь ветром редком перелеске начинала мелькать согбенная мужская фигура с длинными включенными космами волос на голове. Незнакомец, выглядывая из-за стволов деревьев, передвигался по перелеску ничуть не медленнее Нинки, вынужденной перескакивать и обегать дорожные ухабы, заполненные водой. Девчонка, хоть и боялась попристальнее взглянуть в его сторону, всё-таки успела рассмотреть его лицо с вытаращенными глазами и облепленное клочками седеющей щетины. Домой Нинка заскакивала - не помнила как...

Она стала брать провожатых парней: уговаривать их не пришлось - тряхнула косой, и тут же побежали наперебой. По перелеску теперь никто не метался, лишь раз мелькнула в стороне знакомая фигура и пропала.

Нинка вздрогнула и испуганно заозиралась.

- Яшки, что ли, боишься? - спросил один из провожатых кавалеров. - Так это наш дурачок, безобидный и добрый. Ничего худого не сделает.

И вправду Яшка к Нинке по-прежнему близко не подходил, только выглядывал её, прячась, из-за углов, и Нинка скоро стала привыкать к такому странному вниманию. Иногда и ей самой доводилось незаметно понаблюдать за своим неожиданным «поклонником».

У Яшки было, видимо, что-то неладное с ногами: развернутыми в разные стороны ступнями он вздымал клубы пыли, неуклюже переваливаясь по подсушенной еще почти летним солнцем улице. Но передвигался довольно быстро, наклонив вперед голову с нечесаной гривой волос. Было Яшке за тридцать, сильно старила его борода с нашлепками седины. На лице его, казалось, застыла навсегда блаженная улыбка, хотя большие чёрные глаза смотрели с печалью.

Выскакивали из подворотен брехучие псы, норовили ухватить Яшку за штанины; мальчишки-мелюзга, дразнясь, бежали следом за ним и пуляли камушками. Яшка - хоть бы что: скаля зубы, упрямо пёр вперед...

Жил он в сторожке на краю погоста возле Ильинки: старик сторож потеснился, уступив на время убогому чуланчик, а тот так в нем и остался. Старушонки прихожанки Яшку, жалея, подкармливали, да и сам он не слонялся без дел, а их в приходском хозяйстве - пруд пруди.

Вот так же, жалеючи и чуть с насмешкою, однажды провожала взглядом Нинка бедолагу, несущегося куда-то по улице.

Нинка и сама спешила - на «осенний бал» в городковском доме культуры. В новом платьице, стесняясь накинутого на плечи старенького мамино пальто, она старательно обходила лужи, чтобы не запачкать туфли. Предстояли не какие-то школьные танцульки, а настоящий, первый в жизни «взрослый» бал. К «дому культуры», расквартировавшемуся в стенах церковного собора, она пришла одной из последних. Постояла в нерешительности перед входом в здание со сбитыми куполами, перешагнула порог, заметив проступающую сквозь побелку фреску со святым ликом над аркой входа.

Стены внутри собора, высокий свод тоже тоже были наглухо забелены, но лики святых всё равно проявлялись тут и там. Новые хозяева здания пытались их прикрыть кумачовыми полотнищами с наляпанными наспех в «духе времени» лозунгами.

Молодежь толпилась у дальней стены возле штабеля составленных друг на дружку длинных лавок для зрителей - кино показывать сегодня не собирались. На деревянном помосте сцены, устроенном в алтаре, резвились, выплясывая, девки в красных косынках из агитбригады; потом что-то, жутко фальшивя, попытался исполнить местный духовой оркестр.

И наконец... Заскучавшая Нинка даже растерялась, увидев на сцене... Яшку. В чистом, явно с чужого плеча костюме, с аккуратно причесанными волосами и подстриженной бородкой, он неуклюже проковылял к роялю, громоздившемуся в углу сцены, сел на табуретку, все с прежней своей блаженной улыбкой поднял над клавиатурой руки с длинными пальцами - и когда их опустил... Звуки вальса взметнулись и разлились под соборными сводами; по упразднённым властями Божьему храму закрутились в стремительном танце пары.

Нинку пригласил молодой красавец-лейтенант из отцовского гарнизона. Увлеченная танцем, она всё время чувствовала на себе Яшкин взгляд, хотя, казалось, что за роялем он забыл обо всём на свете, без усталости играя весь долгий вечер.

Все остались довольны - и танцоры, и любители, подперев плечом стенку, просто поглазеть. Только непонятно было Нинке: почему это в своем углу, что-то шепча, украдкой крестилась бабка-билетёрша...

Яшка после того вечера куда-то пропал; Нинка забеспокоилась даже. Будто чего-то не стало хватать в этом маленьком городке. И ноги её как-то сами собой принесли к ограде Ильинки, где в сторожке обитал Яшка. В храм она не зашла, побоялась: отличница, комсомолка - мало что накажут, но и ещё за «свихнувшуюся» посчитают.

У ворот Нинке встретила старушка-билетёрша из «дома культуры».

- Я уж, милая, подумала на тебя, что это наша Настенька воскресла! - воскликнула она, всматриваясь пристально Нинке в лицо.

- А кто она была?

- Дочка здешнего диакона.

Старушка поозиралась, взяла Нинку за руку и отвела на укромную лавочку, спрятанную в ещё не облетевших кустах у ограды.

- Перед войной, в тридцать седьмом, их всех «забрали». Настенька-то от отца не отреклась - и её тоже. И Яшкиного родителя, отца Игнатия, со старшими сыновьями. Яшке-то младшему, «заскрёбышку», особенный талант к музыке Господь дал. Парня даже в консерваторию в Петербург учиться взяли. А потом тоже - в тюрьму... - Старушка заговорила ещё тише: - И вот Яшка вернулся - то ли отпустили, то ли сбежал. Ноги обморозил. Прибёт домой, а родных никого в живых нет! Всех! Он на колокольню взобрался и сиганул вниз. С горя. Грех смертный задумал совершить, самоубийство. Но жив остался. Господь безумием его наказал, только талант не отнял, оставил... А Настенька-то невестой его была обручённой. И ты - вылитая она!

- Где сейчас он... Яшка? - спросила растерянная и потрясённая старухиным рассказом Нинка.

- Лежит, вон - в сторожке, едва живой... Он после каждого такого своего выступления болеет тяжело. Вот ведь судьба: памятью от прежней жизни один рояль у него остался; и в соборе, где отец настоятелем служил, играть для публики ему приходится. Страдает он, хоть и не в себе давно...

Нинка поднялась с лавочки и хотела пойти в сторожку проведать Яшку, но старушка удержала её:

- Лучше тебе, девонька, его сейчас не видеть! Он ещё хуже, чем есть...

Дома Нинку ожидал радостный, взволнованный отец:

- Собирайся, стрекоза, уезжаем отсюда! Меня переводят служить в Германию!

Через пару дней немудрёный семейный скарб был уложен в кузов грузовичка. Отец попрощался на плацу с танкистами, сел на переднее сидение открытого «виллиса» рядом с солдатом-водителем. Нинка и мать расположились позади.

Миновав околицу городка, машины вывернули на «большак». И тут, у поворота, Нинка заметила знакомую косолапую фигуру, ковыляющую наперерез по полю.

Яшка застыл на дорожной обочине как вкопанный. И когда мимо, набирая скорость проезжали машины, так же как и раньше, глядя на Нинку, блаженно улыбался, и так же печальны были его глаза. Он поднял руку и прощально помахал. Робко оглядываясь на мать, махнула ему рукой и Нинка...

...Нина Ивановна долго еще стояла у кануна, дожидаясь пока не погаснет огонёк поминальной свечки. Что стало с тем бедолагой Яшкой из далекой её юности, как окончил он дни свои? Теперь наверняка никто и не ведал. Сколько страдальцев в разные времена видел этот Ильинский храм - несть им числа.

Будущее уже с нами

В быстро сгустившихся сумерках к продуваемой со всех сторон холодным ветром остановке подкатило нужное мне маршрутное такси. Жёлтая газель с тёмным полупустым салоном. Восемь задних сидений, по четыре с каждой стороны развёрнутые в проход, тут же вслед за мной оказались заняты прозябшими пассажирами. Я устроился вторым от конца, а вокруг рас-положились, как на подбор, сплошь молодые люди, парни и девушки самое большее лет двадцати с маленьким хвостиком. Уже совсем не моего поколения, дети, если ещё не внуки. Студен-ты после вечерних занятий, наверное. В основном каждый сам по себе, за исключением одной пары, но и они ни словом не перекинулись за всю дорогу.

Прежде, чем тронуться, уже без свободных мест маршрутка постояла ещё некоторое время. Мы молчаливо передали плату за проезд в сумраке салона, водитель почему-то так и не включил внутреннее освещение. И тут же все до единого вокруг меня, не сговариваясь, но как по команде, извлекли из карманов или сумочек мобильные телефоны. Даже замёрзшая девочка в шубке с правой руки, прошмыгнувшая первой в самый конец салона. Разумеется, сделали они это не совсем одновременно, а с небольшими интервалами, как по цепочке. Но и то выглядело довольно жутко. В мертвенных отсветах включившихся наладонников сосредоточенные лица всех без исключения показались принадлежащими потустороннему миру. Вероятно, со стороны я выглядел теперь среди них совершенно посторонним, чем-то вроде «белой вороны».

Словно в один момент я очутился в компании потерявших человеческий облик зомби. Нет, от них не ощущалось ни малейшей опасности, конечно, мне не грозило оказаться искусанным, подобно несчастным героям голливудских ужастиков. На отрешённых лицах в тусклом мертвенном свете не улавливалось ни искры интереса к окружающему. Ещё больше они напоминали людей, в сознание которых внедрились инопланетяне, сделавшие их безвольными марионетками, послушными чужой злонамеренной игре. И сейчас все они получали от своих хозяев дополнительные пошаговые инструкции по дальнейшим действиям.

Происходящему на моих глазах можно было подыскать и более правдоподобные объяснения. Например, все сидящие передо мной исполняли таинственный чудной ритуал религиозной секты, наподобие новых сайентологов, принадлежность к которой подтверждалась поголовным наличием мобильных. Даже парень с девушкой, державшиеся вместе с момента посадки, подобно остальным, с заведённой тупостью тыкали кончиками пальцев в сенсорные экраны. Окажись на моём месте умелый карманник, наверняка нашёл бы здесь среди увлечённых просмотрами поживу без особой опаски быть пойманным на месте.

Вот, осенило меня внезапно, это ведь и есть незаметно подкравшееся к нам будущее, тревожное и пугающее таким наглядным воплощением - «блистающий новый мир», как выразился когда-то Олдос Хаксли. Благодаря своим навороченным гаджетам кучно сидящая рядом молодёжь выглядела до поразительного разобщённой. Совершенные средства связи оказались вопреки замыслу их изобретателей средствами изоляции, без которых владельцы уже ни минуты жизни для себя представить не могли. Они воображались ими несравнимо более интересными и важными, чем близость незнакомых случайных попутчиков. Вряд ли сейчас нашлось бы что-то способное их отвлечь, заинтересовать чем-то другим. Да и что можно было предложить взамен? Спеть песню или пустить бутылку пива по кругу? Смешно, просто полная дичь! В том-то и дело, что никакой серьёзной альтернативы творившемуся не имелось. А потому приходилось принять его, как неизбежную данность.

В какой-то момент один из сидевших возле меня внезапно громко засмеялся увиденному на экране мобильного. Я уже подумал с облегчением, что не всё ещё потеряно с этим поколением, и у них могут проскакивать хоть какие-то проявления нормальных человеческих чувств. Но он тут же смолк, вернувшись в прежнее заторможенное состояние. Лишь через несколько остановок тот или иной начали озираться в незакрытые рекламой окна, пытаясь определить, где мы находимся.

Если честно, я мог не шибко отличаться от них, если бы имел с начала возможность поддаться заразительности общего действия. У меня в нагрудном кармане плаща прятался новенький «Нопог 7А», вполне устраивавший в повседневности. В какой-то момент под влиянием окружающих у меня проскочил зуд в пальцах. Только вот аккумулятор окончательно сдох за день, зарядное устройство осталось дома, а зарядить вчера поленился. Так что подобный соблазн мне этим вечером не угрожал.

Постепенно наши ряды редели, один за другим пассажиры покидали салон на следующих остановках. Кто-то при этом выключал и убирал с глаз долой свои телефоны, кто-то продолжал и на выходе вертеть в руках жизненно необходимый аксессуар.

А вскоре подошла и моя очередь.

С.Е. КРИВОРОТОВ г. Астрахань.

Переводчица

“Самыми презренными людьми в Египте считались свинопасы и переводчики”.
(История Египта)

Каждую весну раскрываются двери женских гимназий, пансионатов и институтов и выпускают в жизнь несколько сотен... переводчиц.

Я не шучу. До шуток ли тут!

В былые времена о чем думали и о чем заботились маменьки выпускных девиц?

- Вот буду вывозить Машеньку. Может быть, и пошлет Бог подходящую партию...

- Глашенька-то как хорошо пристроилась. Всего девять зим выезжала, на десятую - Исая, ликуй!

Так говорила маменька со средствами. У кого же не было запаса на девять зим, те старались подсунуть дочь погостить к богатому родственнику или к «благодетельнице». И родственник, и благодетельница понимали, что каждую девицу нужно выдавать замуж, и способствовали делу. Вейнингеров в то время еще не было, и никто не подозревал о том, как низка и вредна женщина. Открыть глаза было некому, и молодые люди женились на барышнях.

Так было прежде.

Теперь совсем не то. Теперь жених (так называемый «жених» - лицо собирательное), как бы влюблен он ни был, уже вкусил от Вейнингера! Хоть из десятых рук, от какого-нибудь репетитора племянника сестры, двоюродного дяди. И пусть он слышал только всего, что у Вейнингеров все «м» да «ж», - с него достаточно, чтобы скривить рот и сказать барышне:

- Знаете, я принципиально против женитьбы. У женщин слишком много этих всяких букв. Вейнингер совершенно прав!

И маменьки это знают.

- Знаете, Авдотья Петровна, - говорит маменька своей приятельнице. - Что-то в нас, в женщинах, такое открылось нехорошее. Уж и ума не приложу, что такое. Придется, видно, Сонечке в контору поступать либо переводов искать.

- Все в конторах переполнено. У меня две дочки второй год со всех языков переводят. Беда!

- Уж не переехать ли лучше в провинцию? Может быть, там еще ничего не знают про наши дела. Может, до них еще не дошло.

- Да, рассказывайте! У меня в Могилеве брат жену бросил. Пишет: никуда жена не годится. Что ни сделает - все «ж». Едет, бедная, сюда. Хочет переводами заняться...

Выйдет девица из института, сунется в одну контору - полно. В другую - полно. В третьей - запишут кандидаткой.

- Нет, - скажут, - сударыня. Вам не особенно долго ждать придется. Лет через восемь получите место младшей подбарышни, сразу на одиннадцать рублей. Счастливы попали.

Повертится девица, повертится. Напечатает публикацию:

«Окончившая институт, знает все науки практически и теоретически, может готовить все возрасты и полы, временем и пространством не стесняется».

Придет на другой день старуха, спросит:

- А вы сладкое умеете?

- Чего-с?

- Ну, да, сладкое готовить умеете?

- Нет... я этому не училась.

- Так чего же тогда публикуете, что готовить умеете? Только даром порядочных людей беспокоите!

Больше не придет никто.

Поплачет девица, потужит и купит два словаря: французский и немецкий.

Тут судьба ее определяется раз навсегда.

Трещит перо, свистит бумага, шуршит словарь...

Скорей! Скорей!

Главное достоинство перевода, по убеждению издателей, - скорость выполнения.

Да и для самой переводчицы выгоднее валять скорее. Двенадцать, пятнадцать рублей с листа. Эта плата не располагает человека к лени.

Трещит перо...

«Поздно ночью, прокрадываясь к дому своей возлюбленной, увидел ее собаку, сидеть одной на краю дороги».

«Он вспомнил ее слова: „Я была любовницей графа, но это не переначнется“.

Бумага свистит...

«Красавица была замечательно очаровательна. Ее смуглые черты лица были невероятны. Крупные котята (chatons - алмазы) играли на ее ушах. Но очаровательнее всего была ямочка на подзатыльнике красавицы. Ах, сколько раз - увы! - этот подзатыльник снился Гастону!»

Шуршит словарь...

«Зал заливался светом при помощи канделябров. Графиня снова была царицей бала. Она приехала с дедушкой в открытом лиловом платье, отделанном белыми розами».

«Амели плакала, обнимая родителям колени, которые были всегда так добры к ней, но теперь сурово отталкивали ее».

«Она была полного роста, но довольно бледного».

«Он всюду натыкался на любовь к себе и нежное обращение».

Вот передо мною серьезная работа - перевод какой-то английской богословской книги.

Читаю:

«Хорош тот, кто сведет стадо в несколько голов. Но хорош и тот, кто раздобудет одного барана. Он также может спокойно зажить в хорошей деревне».

Что такое? Что же это значит?

Это значит вот что:

«Блажен приведший всю паству свою, но **блажей** и приведший одну овцу, ибо и он упокоится в селениях праведных».

Все реже и реже шуршит словарь. Навык быстро приобретается. Работа приятная. Сидишь дома, в тепле. Бежать никуда не надо. И знакомым можно ввернуть словечко, вроде:

- Мы, литераторы...

- С тех пор как я посвятила себя литературе...

- Ах, литературный труд так плохо оплачивается... У нас нет ничего, кроме славы!

Трещат перья, свистит бумага. Скорей! Скорей!

«Алиса Рузевельт любит роскошь. На большом приеме она щегольнула своим полуплисовым платьем...»

Шуршит словарь...

Надежда ТЭФФИ.

*Не смотри на жизнь
мрачнее, чем она на тебя...*

*Больше всего человек обижается,
если ставят под сомнение его чувство юмора
или же его право быть несчастливym.*
(С. Льюис)

Птица-зима

Здравствуй, зима, словно птица крылом ты махнула,
Снегом посыпала, холодом вдруг обняла,
Только не ждем, чтобы птица скорей упорхнула,
Не для того свои песни слагая ждала.

Как день за днем покидала неспешная осень,
Солнцем светилась и хмурилась серым дождем,
Листья с деревьев под ноги нам с легкостью бросив,
Знала, так надо, зиме будет легче потом.

Птица-зима, распахни свои добрые крылья,
И обними белоснежной, пушистой красой,
Сказочной стань, интересной, красивою былью,
В зимние праздники песни приветливо пой.

1.12.16.

Сайт "Свете Тихий"

Ирина Журавлева.

*"Многое совершенно необъяснимое
объясняется иногда просто глупостью"*
(Л. Толстой, со слов Бунина)

*В силу ряда причин я не могу сейчас ответить вам словами,
какие употребляете вы. Но я искренне надеюсь, что когда вы вернетесь домой,
ваша мать выскочит из подворотни и как следует вас искушает.*
(Фаина Раневская).

ДВУРУЧНАЯ ПИЛА

Посвящается двуручной пиле

В начале пятидесятых годов Алёшин, волей судьбы, но, скорее, печального случая, попал на работу в геологический отряд. К своим семнадцати годам он уже избавился от многих юношеских романтических мечтаний, притязаний. Но - по порядку...

В четырнадцать лет, после окончания седьмого класса, его мать не смогла при мизерной зарплате, оплачивать сыну дальнейшее обучение в школе. Где-то в это время как раз ввели платное обучение (позднее, правда, плату отменили).

- Поезжай, - посоветовала мать, - учиться в Красноярск, на повара. Всю жизнь будешь при пище, да и мне - на старости - за тебя спокойнее будет. Годы были послевоенные, полуголодные.

- В кулинарный, что ли?

- Ну, пищу где учат варить.

- Да, - подумал Женька, - поеду. Поступлю. Он хорошо учился и вступительных экзаменов не боялся.

Экзамены он сдал на отлично. Предстояло проверить степень ощущений органов чувств: солёное - не солёное, вкусное - не вкусное. Запахи. И вот тут Алёшин погорел: выяснилось, что он абсолютно не понимает запахов. Его тут же отправили домой.

Понурим вернулся Женька к матери.

- Да ладно, не огорчайся, - утешала мать. Твой отец тоже жил без носа. А зачем ему нос? Он в штольнях работал. Уголь рубал. Чего его нюхать!

В это время в городе открылось лётное училище. С осени начинался набор учеников, достигших пятнадцати лет. Платили приличную стипендию. Мать самолётов боялась, но нехотя согласилась: её прельстила большая стипендия. Школьные экзамены принимали как-то легкомысленно. Однако медицинская комиссия была въедливой. Женька легко проходил одного врача за другим. Оставался последний - окулист.

- Ты какие очки носишь, - спросила женщина, когда он силился угадать, в какую же букву тычет указкой врача - на второй или третьей строке таблицы.

- Никакие, - удивился Женька.

- Ты вот что, э... Алёшин, беги и купи очки минус три. Там знают. Скажешь минус три диоптрии. А в училище ты не годишься. - И вздохнула.

Алёшин тоже глубоко вздохнул и чуть не расплакался.

- Не расстраивайся. Может тебе и повезло. Знаешь, как часто сейчас лётчики разбиваются на этих беспропеллерных самолётах.

Врачиха была права. Через три года, только что выпущенный из лётного училища в самостоятельный полёт, его приятель Эдик Горланов погиб в реактивном самолёте. И поступил Женька в химика-технологический техникум. Техникуму было безразлично хорошо ли он видел, понимал ли запахи, вкусы...

Учился Женька блестяще. Но его не оставляла мечта о среднем, и даже о высшем образовании. И в сентябре он, не отрываясь от учёбы в техникуме, пошёл в восьмой класс вечерней школы. Тут, пожалуй, к месту будет история, подтверждающая поговорку: "везёт дуракам и пьяницам". В тот же год к ним - из деревни, где Женька родился - прибыл его двоюродный брат, поступать в этот же техникум. В качестве символической оплаты за проживание, он вывалил ворох облигаций. На которые власть обязывала подписываться каждого работающего. Мать Алёшина кинула облигации в деревянный сундук, и забыла про них. Но не Женька! После каждого объявленного тиража, он проверял бессчётное количество «государственных знаков». И однажды один из билетов выиграл тысячу рублей, или велосипед. Было это зимой 1951 года. Женька разумно рассудил: тысячу рублей мать истратит, чтобы заткнуть многочисленные дыры в семье, а зимой на велосипеде никто кататься не будет; весной он его продаст и купит билет до Ленинграда! И Женька притащил велосипед. Крику и плача было много...

После окончания второго курса техникума и девятого класса вечерней школы Женька, к огорчению матери, бросил занятия в техникуме и вечернюю школу. Поступил в десятый класс на дневное отделение, чтобы получить диплом об окончании средней школы. И получил. И продал велосипед. И купил билет до Ленинграда.

К этому времени он уже писал какие-то рассказы, кропал множество мм... бездарных виршей. Как-то с одним из рассказов, «Золотоискатели», Алёшин прорвался к директору приезжего театра оперетты. Почему-то решил, что директор входит в круг

литераторов и ознакомит их с его опусом. Директор долго хохотал, но пообещал, что покажет рассказ своему приятелю, редактору популярной в Сибири газеты «Кузбасс». Они распрощались. Театр вскоре уехал, и Женька забыл о своём визите к директору. А через год к Женьке домой ворвался приятель с криком: - «Женька! Тебя газета пропечатала!» И сунул ему измятый лист «Кузбасса». На четвёртой странице Женька увидел свою фамилию - Алёшин, Имя, и рассказ - «Золотоискатели».

- Надо же! - подумал Женька, - директор-то!

А через несколько недель он неожиданно получил первый в своей жизни гонорар. Мать заплакала. Но Алёшин не успел насладиться заслуженной славой своего двора и родственников. Уже через несколько дней поезд мчал его в Ленинград...

Женька кропал какие-то вирши, обрывки историй и всё думал: буду писателем! А попал в геологию. Но мечты своей не забыл. Исписывал записные книжки: заметки, наблюдения, стишата, даже рассказы... Иные вдруг стали принимать к печати в газетах периферийных городков, куда его забрасывала геологическая служба. Почти ни одно торжество в геологической фирме не проходило без Женькиных опусов, виршей. Будь то защита докторских, кандидатских диссертаций, дней рождения сотрудников, окончание учёбы, и даже поминок. Геологи народ дружный, общительный; вскоре слухи о «застольных» упражнениях Алёшина, посвященных различным торжествам, распространились по многочисленным в пятидесятые годы конторам причастным к геологии, и не только. Собственно, отсюда и начинается повествование о двуручной пиле. История, которая вот уже более полувека не покидает память Алёшина, а недавно получила и продолжение...

Где-то в середине пятидесятых годов Женьку пригласили знакомые студенты на пир по случаю окончания института. Подумали, и решили совместить завершение учёбы со свадьбой. Так он оказался за свадебным столом. Как-то сразу в свадебной комнате стало шумно и весело. Вручались дешёвенькие подарки, обменивались адресами назначений. Произносились тосты. У девушек нет-нет да закипали слёзы. От радости? Огорчения?

После второго или третьего тоста в комнату ввалилась запоздалая компания из трёх-четырёх человек. Стол восторженно встретил новых гостей хохотом, шумным весельем. По-видимому, этих ребят очень любили.

- Прошу тишины! - произнёс один из запоздавших, рослый, слегка полнеющий юноша. Как потом выяснилось, Слава. - Мы приготовили для новобрачных необычный, нестандартный презент.

И начал раздеваться. Сначала он снял пальто. Потом скинул пиджак. Когда приготовился освободиться от рубашки, кто-то выкрикнул: А штаны?

- Девушек прошу не смущаться. Останусь в штанах! - и сбросил рубашку.

Тут все увидели, что у Славы вокруг живота была обёрнута неширокая металлическая двуручная пила!

И вновь застолье взорвалось шумом, заплодировало, засмеялось.

Слава поднял руку, прося тишины.

- Милые наши новобрачные, Лена и Володя! Мы вручаем этот подарок, двуручную пилу - через жену - в новообразованную семейную ячейку. Но без прикладного назначения - пилить супруга. И вы сейчас за этим столом, перед всем бывшим курсом НГ-50 дадите клятву. Вы поклянетесь, что до самого конца своей счастливой жизни, куда бы вас не забросила судьба, не расстанетесь с этой пилой, не предадите её... Даже если вам никогда не придется использовать пилу по прямому назначению. Клянетесь?

Стол почему-то затих. Неизвестно почему, но вчерашние легкомысленные студенты вдруг стали серьёзными. Может быть от необычности подарка, или от суровой интонации, с которой Слава произнёс свой короткий тост - призыва к клятве...

Лена и Володя встали. И охрипшими голосами произнесли: «Клянёмся!». Слава передал двуручную пилу Лене. Кое-где за столом послышались сдавленные всхлипы, - всплакнули юные девчушки. От необычной обстановки и предстоящего расставания, или от неизвестности грядущей судьбы? Наверное, здесь было всё.

В пятидесятые годы - хотя и ДО, и ещё несколько десятилетий После - студенты России не имели права выбора места работы. Лишь в конце восьмидесятых - в начале девяностых «крепостное» распределение выпускников как-то незаметно закончилось. Сокурсники завидовали Лене и Володе, которые получили отличное распределение: их направляли в «столицу» Сибири, в город Новосибирск. Да и сами они были родом из Сибири; оканчивали десятый класс в Иркутске; так что были очень довольны.

Через несколько дней бывшие студенты разъехались по местам назначений. Женька оставался работать и учиться. Все уезжающие записывали адрес Алёшина, обещали ему писать. И действительно в первые недели после расставания Женька получал от них ворох писем с разной дозой оптимизма и огорчений. Через месяц-другой поток писем как-то разом иссяк. Женька понимал, что бывшие студенты зажили своей новой жизнью, предназначенной судьбой.

От Лены и Владимира письма долго не было. Алёшин понимающе ухмылялся и уже перестал ждать от них вестей. И вдруг месяца через три из Новосибирска от Володи пришло печальное письмо. Он писал, что в Новосибирске для них, геологов-нефтяников, не оказалось работы. Им предложили на выбор несколько адресов: в глухих местах - далеко на Севере и на Востоке России. Было и неожиданное приглашение с Алтая, на должности горных инженеров по поиску железорудных месторождений. Володя и Лена находились в состоянии панических раздумий. Затем они замолкли. Обратного адреса не было.

Нежданно зимой Алёшину пришёл конверт с незнакомым ответным адресом. Открыл. Писала Лена. Но содержание! Ни одной панической ноты, в отличие от письма Володи. “Женька!..” - в Ленинграде все его так называли. - “Женька! Мы с Володей, кажется, нашли себя. Мы даже счастливы. Довольны нами и в геологическом управлении. Живём и работаем в Горном Алтае. Ищем руду. Как-то быстро мы втянулись в незнакомую нам работу и уже летом обнаружили несколько залежей медных руд. Сейчас там ведётся бурение с целью установления запасов меди. А зимой мы пишем отчёты, чертим карты-кроки, занимаемся камеральной работой, обрабатываем собранный летом материал. Нам дали огромный пустой бревенчатый дом с русской печью. Здесь много брошенных домов, - люди уезжают отсюда в поисках работы. Женька, мы так довольны подарком Славы и его друзей! Двуручная пила здесь редкость, такую не достать. Мы каждую неделю с Володей пилим кедровые брёвна, а он заготавливает дрова...” Письмо было длинным, подробным, жизнерадостным.

Следующее письмо с Алтая пришло в начале лета. От Володи. В весёлом послании он сообщал, что Лена произвела на свет здорового сына в четыре с половиной кг! Назвали сына в честь друга, подарившего им двуручную пилу, Славой. Володя много и радостно писал о работе, о двуручной пиле. Сетовал, что студенты по совместной учёбе им не пишут, и он о них ничего не знает; справлялся у Женьки о них. Но Алёшин тоже ничего не знал.

Шли годы, десятилетия. Женька очень редко - раз, два в год - получал весточки от Володи. И почти ничего не знал о бывших сокурсниках, приятелях Лены и Володи.

Года через два-три после рождения сына, Лена выдала двойню - девочек. Сейчас они уже заканчивают среднюю школу, а сын Слава учится в Горном институте г. Кемерово на факультете «поиск рудных месторождений». Практику собирается проходить у отца.

Письма с Алтая приходили всё реже. Иногда и через год, два. О себе Лена и Володя писали мало. Большая часть писем была посвящена двуручной пиле. Оказывается, Володя возил пилу и на полевые работы. Заворачивал её в несколько слоёв материи, затем вокруг себя, как когда-то делал Слава, и взбирался на лошадь. Всё полевое барахлишко возили на лошадях. Как-то скупово поведал о встрече с медведем...

“Ты знаешь, конечно, что в одиночку маршруты запрещены. Но тут под осень остались мы в лагере вдвоём. Дня через три ждали вертолёт. Ну, я и говорю напарнику: ты оставайся в лагере, чтобы медведи его не порушили, а я на пару дней смотаюсь в соседний распадок, километров за десять. А дорога шла вдоль глубокой пропасти - по узкой тропе, пробитой, должно быть, торговцами-контрабандистами ещё во 2-ом веке до новой эры. На тропе - две встречные вьючные лошади не могли разминуться. Поэтому вдоль непросматриваемой части тропы - более чем на сто метров - вырубались в скалах ниши на три-четыре лошади, для пережидания встречных караванов. А путники, сопровождающие лошадей, обязаны были непрерывно подавать шумовые сигналы, или петь. Вот на такой тропе - лицом к лицу, а точнее, морда к морде - лошадь и медведь столкнулись. Лошадь - на дыбы! Меня сбросила. Сама в пропасть свалилась. Куда делся медведь - неизвестно. Лошадь потом нашли на дне пропасти, погибшей. А меня со сломанными ребрами вывезли в Горно-Алтайск. Через месяц я уже вернулся к работе”.

Почти в каждом, хотя и редком письме, Володя рассказывал о двуручной пиле.

“Скоро уж тридцать лет, как мы с Леной здесь. Все эти годы пилим и пилим, заготавливаем дрова. Пила уж истончилась. Была, наверное, тринадцать-четырнадцать сантиметров шириной, а сейчас, измерял недавно, уже меньше десяти. Часто её

затачиваю. Да и то... кедр плотное дерево, а нам зачастую окаменевшую древесину привозят, сухой. В поле теперь её не беру. Берегу. Хотим, чтобы её на нашу жизнь хватило».

В пятьдесят пять лет Лена вышла на пенсию, но ещё несколько лет работала. После шестидесяти на полевые работы выезжать перестала. Года через три засобиралась в Ленинград. Отец сообщал, что мать стала часто болеть. Перед отъездом Лены, они с мужем решили наготовить дров ему в запас. С перерывами пилили целый день. Допиливали последнее бревно, как вдруг раздался хруст, и двуручная пила переломилась ровно посередине. Лена и Володя одновременно вскрикнули, опустили на чурбаны и затихли. Лена тихо заплакала.

Через день она улетела. Перед отъездом взяла с мужа слово, что через год он увольняется и возвращается в Ленинград. Так и порешили. Однако, он ещё четыре года оставался в Горном Алтае. Работал. Работал уже вместе с сыном.

Алёшин уже пять или шесть лет живёт в эмиграции, в Австралии. В последние годы всё собирался навестить мать в России, в Кемерово. Просил подождать его, не умирать, - матери шёл восемьдесят восьмой год.

Наконец, он вылетел в Россию, чтобы навестить мать, а затем совершить путешествие вокруг планеты. Но матери не застал: она успокоилась на тихом деревенском кладбище. В этой деревне родилась, здесь вышла замуж, родила Женьку, тут арестовали её мужа...

Женька молча постоял у старообрядческого креста. Слёз не было. Только бесконечная печаль. Стоял май. «Что дальше? - думал он. - Обратном?»

И вдруг припомнил, что рядом, на Алтае, наверное, всё ещё живёт, а может быть, и работает давнишний его приятель Володя. Алёшин поспешил на почту и послал телеграмму. «Я в Кемерово. Могу залететь на пару дней. Женька».

Через день Алёшин получил ответ. «Жду. Володя».

- Входи, - и Володя распахнул скрипучую дверь в свой дом. - Проходи в гостиную.

Первое, что увидел Алёшин в красном углу гостиной, это - образ Божьей Матери с Младенцем, а по обеим сторонам иконы висели половинки сломанной двуручной пилы.

- Образ принёс батюшка местной церкви, когда Лена вернулась с сыном. А пила... она наш член семьи. Можно сказать, и спаситель. С ней много что связано. И смешного, и трагического... Расскажу.

Через месяц, обогнув земной шар, посетив десяток стран, Алёшин вернулся на свою вторую Родину, в Австралию. Его ждало письмо из Ленинграда. Писал Володя. Грустные новости.

Вскоре после отъезда Алёшина с Алтая, Володя, с интервалом в неделю, получил две телеграммы от отца - о смерти матери Лены, а также об инфаркте у Лены. Лена почему-то просила захватить половинку двуручной пилы. Володю и сына вывезли с полевых работ; оба вылетели в Ленинград. На похороны матери они не успели. А Лена была в больнице...

Володя каждый день просиживал у её кровати. Утешал, что скоро её подлечат, и они вернутся домой. В ответ Лена слабо улыбалась. Наказывала похоронить её по христианскому обычаю, в домовине. И положить с ней... половинку двуручной пилы.

Вскоре сын вернулся на Алтай. Отец передал с ним заявление об увольнении и твёрдый наказ - положить его рядом с женой, и в гроб - вторую половинку двуручной пилы.

Ген. Гончаров. Канберра.

Однажды на корабль грамматик сел ученый,
И кормчего спросил сей муж самовлюбленный:
«Читал ты синтаксис?» - «Нет», - кормчий отвечал.
«Полжизни жил ты зря!» - ученый муж сказал.
Обижен тяжело был кормчий тот достойный,
Но только промолчал и вид хранил спокойный.
Тут ветер налетел, как горы, волны взрыл,
И кормчий бледного грамматика спросил:
«Учился плавать ты?» Тот в трепете великом
Сказал: «Нет, о мудрец совета, добрый ликом».
«Увы, ученый муж! - промолвил мореход -
Ты зря потратил жизнь: корабль ко дну идет». *Джалаладдин Руми.*

Друзья вчерашние из списков удаляют,
 Пусть рвётся этих слабых связей нить...
 Меня не помрачит година злая,
 И не смутят вослед раскаты лая.
 Меня с Донбассом в сердце – не сломить!

Бросайте камни, бейте чёрствым словом,
 Я выдержу удары грязных фраз.
 Пусть злоба древним змием стоголовым,
 Меня пытается лишит надежды снова...
 Ничто не в силах у меня отнять Донбасс!

Иван НЕЧИПОРУК г. Горловка, ДНР.

Псалом 136

При бурных реках Вавилона
 Сидели мы, роняя слезы,
 Воспоминанья о Сионе
 Будили призрачные грезы.
 На вербах, росших при водах,
 Повесили мы арфы наши.
 Там требовал глумливый враг:
 «Пропойте нам из песен ваших».
 Но как нам петь в земле чужой,
 С пленившими нас веселиться?
 О, коль забуду град святой,
 Забудь меня, моя десница.
 Прилипни грешный мой язык
 Навек к иссохшейся гортани,
 Коль обратит забуду лик
 К тебе в дни горестных страданий.
 Припомни, Господи, врагам
 День скорби Иерусалима,
 Воздай Едомовым сынам
 За поругание святыни.
 О, злая Вавилона дочь,
 Безумной гордости полна,
 Блажен, кто сможет нам помочь,
 Воздав тебе за все сполна.
 Тот, кто, разрушив твой оплот,
 Тебя саму повергнет в пламень,
 Тот, кто детей твоих возьмет
 И разобьет об острый камень.

Евгений Новицкий.

Когда бы доверяли не словам,
 А истине, что сердцем познается,
 Да сердцу, что от истины зажжется,
 То не было б предела чудесам.

Джалаладдин Руми

Звезда-свеча

(памяти Андрея Зверева)

Сияет скупо в небесах
 Звезда разбившихся пилотов...
 Звезда оборванных полётов —
 Мечта и смерть,
 Восторг и крах.
 Стремиться к ней на склоне дней
 Зовёт лишь память испытаний,
 Угар несбывшихся желаний,
 Да гул умчавшихся коней.
 Но не сгорай, звезда-свеча!
 Тепло костра, уют камина —
 Земная жизни половина,
 Ничто без твоего луча.
 Всегда зовёт, всегда в полёт.
 Хоть ничего не обещает.
 Во тьме по-прежнему сияет,
 Как будто жжёт, как будто ждёт.

Рыженков Вячеслав Борисович

«На свете нет ужаснее напасти, чем
 идиот, дорвавшийся до власти!»

Л.А.Филатов

Г Н Ё Т

Работал Гнёт в номенклатуре
 И сам себя превозносил,
 Бюрократические бури
 Спокойненько переносил.
 Давил он профессионально
 На всех, над кем поставлен был,
 И в результате гениально
 Всё лишнее давно забыл.
 Одно он знал: его работа
 Следить, чтоб вверх никто не лез,
 И, если всё же вылез кто-то,
 Знать, нужно увеличить вес.
 Но вот однажды забродили
 Под Гнётом в бочке огурцы,
 Они на митинги ходили,
 Кричали: «Довели, отцы!
 На совесть раньше нас солили,
 А нынче экономят соль!..»
 Короче, непорядки всплыли,
 И Гнёт был брошен на фасоль.
 Навряд ли это - понижение,
 Фасоль ведь - царская еда.
 Когда ж и там пошло брожение,
 Гнёт вспомнил про свои года.
 И был на пенсию с почётом
 Отправлен, чтоб дожить свой век.
 Бывает очень схожим с Гнётом
 Иной известный человек.

Валерий Румянцев

Ещё раз о зелёных человечках

На рассвете он встал, умылся холодной водопроводной водой и прошёл в свою рабочую комнату. В голове оформился кое-какой сюжетец, требовавший немедленного воплощения на дисплее компьютера. На письменном столе возле распахнутого настежь окна неподвижно восседали четыре зелёных человечка, целая компания, словно объёмная картинка из антиалкогольной брошюры или персонажи из мультика с подобным же содержанием. «Так!» – сказал себе писатель, повернулся и отправился на кухню. Хотя подобное видение посетило его впервые, он решил не волноваться и неторопливо вскипятил воду в мельхиоровом чайнике, затем развёл погуще бразильский кофе из стеклянной банки с изображением индейца, без большой натяжки могущего сойти за троюродного брата только что привидевшихся персонажей. После этого он, так же не спеша, вернулся к письменному столу и на этот раз ощутил лёгкое беспокойство: бригада зелёных человечков или чёртиков оставалась в том же составе. Шевеля не то рожками, не то антеннами, они повернулись, как один, навстречу писателю, разглядывая его ничего не выражающими выпуклыми бусинами оранжевых глаз. Было в них и что-то муравьиное, и механическое одновременно.

- Здравствуйте, Владимир Николаевич! - сказали все разом, не открывая ртов.

«Глюки?!» - мысленно спросил себя писатель и так же ответил со вздохом:

- «Когда-нибудь это должно было случиться. Надо же, и голоса слышатся...»

- Не беспокойтесь, Владимир Николаевич, мы представляем собой вполне объективную реальность, в чём вас категорически уверяем! - снова хором, не разжимая губ, заверили человечки голосами мультипликационных героев.

«Конечно, - усмехнулся писатель, с юмором начиная относиться к возникшему положению. - Свои речи они прямо телепатируют мне в мозг, ясный пень! Но, почему такая банальная внешность из комиксов, если они не порождение моей фантазии?»

- Вы совершенно правы в своих умозаключениях, - проговорил кто-то из них, голос, напоминавший Буратино из детской радиопостановки звучал в голове писателя. - Что же касается внешности, не это главное, кому, как не вам знать об условности наружных признаков инопланетян!

Писатель кивнул больше себе, он не сомневался, что всё слышимое лишь продукт его сознания, и теперь раздумывал, стоит ли вступать в разговор с собственной галлюцинацией?

- Напрасно вы не принимаете нашу реальность, Владимир Николаевич! - огорчился голосок Буратино, безошибочно узнавая его мысли. - У нас к вам дело: поговорить надо.

- Хгмм... - неопределённо выразился хозяин квартиры.

- послушайте, Владимир Николаевич, ведь это первый наш контакт с человечеством, понимаете? За несколько лет наблюдений мы решили обратиться сначала к вам!

- Но почему у меня? Разве я злоупотреблял? - с сомнением спросил писатель невпопад, ни к кому определённо не обращаясь.

В голоске Буратино зазвучали нотки нетерпения.

- Хватит, валять дурака, Владимир Николаевич! Это слишком серьёзно. Проникнетесь важностью момента - ведь впервые за всю земную историю у вас в руках доказательства наличия инопланетян.

- Что же вы хотите от меня? - сухо осведомился писатель непосредственно у зелёных человечков.

- Мы ознакомились с родом вашей деятельности, несомненно, вы подготавливаете соотечественников к контактам с нам подобными. Поэтому мы решили, что вы более прочих готовы воспринять факт нашего появления и можете проконсультировать насчёт поведения в дальнейшем.

- Значит, вы решили объявиться? - уяснил, наконец, писатель.

- Именно. И вы посоветуете нам, как лучше это совершить.

- И всё же, как я могу убедиться в вашей вещественности, и как смогу поверить в это другие? - он решил сыграть в навязываемую игру.

Зелёные человечки вразной почесали затылки.

- Ну, например, сфотографируйте нас, - бодренько предложил голосок Буратино.

- У меня нет фотоаппарата. Мобильник не заряжен. Да вас и не отличить от кадров мультфильма. Кто поверит!

- В конце концов, вы можете написать о нас...

- Во-первых, всерьёз меня не примут, я же фантаст... Во-вторых, слишком избитая тема, писано-переписано, оскомину набило. Я не вижу никакого нового поворота... Вот если вы что-нибудь этакое подкинете...

- Ну, тогда посоветуйте, где нам обнародоваться? На Красной площади? На заседании Академии наук? Перед государственной Думой? Может, нас хорошо встретят там, за океаном? Может, прямо в ООН податься?

Писатель задумался, ему захотелось курить, но кто знает, как подобное действие воспримется зелёными человечками? И он воздержался.

- Я не понимаю, зачем, собственно, вам понадобилось объявляться? Ну, наблюдали, ну, и продолжайте себе на здоровье...

- Как? - задыхнулись изумлённые человечки. - И это говорите вы?! Именно вы, пытающийся разглядеть будущее своих сограждан? Разве, вам, человечеству, не важно подтверждение наличия инопланетного разума?

- Конечно, - согласился писатель устало. - Но, что это даст практически? Даже если вы докажете абсолютную реальность своего существования, какая польза будет от того людям? У нас и без того своих проблем предостаточно.

- Не понимаем, объясните, пожалуйста... Разве, вам не пригодится наша информация, технология? Мы можем за несколько земных лет ликвидировать голод в развивающихся странах... - взволнованно затараторили четыре Буратино в голове писателя.

- Ну, судите сами, - он прошёлся по комнате, помолчал, собираясь с мыслями и удивляясь своему поведению: неужели, он поверил в реальность маленьких чёртиков? - Во-первых, вы знаете, наверное, насколько сейчас распространилась гипотеза об уникальности жизни на Земле, и какие она имеет последствия? Осознание собственной исключительности, одиночества в космосе, вероятно, поможет человечеству преодолеть внутренние распри, научит более бережно относиться к живому на планете, ценить каждое существо... А тут, нате вам, вы объявляетесь, и всё обоснование летит к чертям! Во-вторых, вам должно быть известно международное положение. Ваш приход в два счёта дестабилизирует обстановку. Возможность приобретения одной страной инопланетной технологии может спровоцировать потенциальных противников на немедленное начало войны.

- Об этом мы и не подумали, - упавшим голосом пролепетал Буратино.

- Если даже в этом случае удастся избежать конфликта, то ваши знания или любая другая помощь нарушит естественное развитие человечества, подорвёт его веру в собственные силы. Об этом немало уже писали фантасты: обесценятся ведущие научные исследования, люди будут лишены стимулов к ним в будущем. Всё это может привести к непредсказуемым последствиям. Так что, я думаю, ни реалистичные политики, ни учёные, ни все здравомыслящие люди не обрадуются вашему вмешательству. Скорее всего, случись подобный факт - его тут же постараются засекретить, перекрыть любую утечку информации... Да что вы сами-то ожидали? - участливо спросил писатель, видя признаки явного расстройства у зелёных человечков.

Те растерянно молчали, поводя по сторонам рожками антенн.

- Вы знаете, Владимир Николаевич, пожалуй, вы правы. Мы не учли современной ситуации на Земле, - грустно согласился голосок Буратино. - Контакт представлялся иначе... В любом случае, мы вам очень признательны за консультацию.

- И что же вы намерены предпринять теперь? - вежливо поинтересовался писатель, садясь за стол с инопланетянами.

- Наблюдения мы, конечно, продолжим. Но для официального пришествия подождём, пока люди достигнут более высокой ступени развития, и обстановка на Земле станет благоприятнее. А пока сосредоточимся на поисках иных цивилизаций.

Писатель закрыл один глаз, но зелёных человечков осталось, как и прежде, четверо, он надавил пальцем на глазное яблоко, но на его письменном столе ничего не изменилось. Он вздохнул и посмотрел в отворённое окно, первые лучи солнца окрасили розовым высокие тополя, их листья свежо и молодо зашелестели под дуновением проснувшегося ветерка, птичий щебет усилился, словно кто-то резко повернул невидимый регулятор громкости.

- Жаль, что всё так складывается, - заключил голосок Буратино, трое инопланетян уже ловко выбрались наружу через едва приоткрытую дверь балкона. - Прощайте, Владимир Николаевич, как говорится, не поминайте лихом и помните: вы не одиноки во Вселенной.

Писатель растроганно кивнул напоследок.

Четвёртый зелёный человечек помедлил прежде, чем последовать за остальными, и спросил с робкой надеждой:

- А, может быть, вы как-то попытаете запечатлеть, увековечить, довести до сведения прочих факт нашего появления у вас? Попытайтесь, Владимир Николаевич, что вам стоит, а? Для грядущих поколений, чтобы при будущей встрече люди оказались бы лучше подготовлены к знакомству с нами...

- Да, да, я понимаю, - неожиданно для себя заволновался писатель. - Хорошо, я постараюсь, хоть тема настолько заезжена... Да, я напишу о вас, хотя бы в форме фантастического

рассказа. Большого я не могу обещать, иначе меня просто заставят обратиться к психиатру... («Или к наркологу», – добавил он про себя, но вслух этого не высказал.)

- Очень хорошо, спасибо, мы вам так признательны... - зелёный человечек проскользнул в дверную щель, и через мгновение писатель увидел, как с его балкона бесшумно взмыла летающая тарелка, наподобие средних размеров эмалированного таза для варенья. На секунду она зависла у оконной рамы, и писатель различил сквозь полупрозрачные стенки летательного аппарата четыре фигурки, машущие в прощании зелёными конечностями. Тарелка дёрнулась кверху и вскоре растворилась в чистой голубизне утра.

Уф! Писатель плотно прикрыл балконную дверь и окно, чтоб не смогли вернуться незваные гости, и вздохнул с облегчением. Всё-таки огромное дело он совершил: спас земную ноосферу от опасности непосильной перегрузки. Пусть человечество по-прежнему живёт по собственным закономерностям развития. Мы пойдём своим путём! Угроза зелёно-инопланетного вторжения, чуждого влияния отсрочена, а там что-нибудь снова придумаем. Теперь можно и немного отдохнуть, вернуться в своё естественное состояние. Писатель прилёг на диван, привычно расслабился перед нуль-переходом в родной параллельный мир. Но в последний миг усилием воли прервал уже начавшуюся трансформацию. Нет! Обещание есть обещание. Он должен прежде написать рассказ о визите зелёных человечков, надо усыпить их бдительность: наверняка они располагают возможностями проверки.

Писатель сходил на кухню, приготовил ещё кофе, немного подумал и налил себе стакан водки. Только после этого он почувствовал себя готовым вернуться к опустевшему столу и сесть за опостылевший компьютер.

С.Е. КРИВОРОТОВ.

*Ко всему можно привыкнуть,
за исключением нескольких тысяч вещей.*
(А. Кумор)

*ВСЁ - это когда
под портретом
вторая дата появилась.*

Февраль

То метели завывают
Над полями и лесами,
То на солнышке сверкает
Снег волшебными огнями.

Вот опять - пурга и ветер
Вьюжат, небо закрывая,
Заплуталось в белых сетях
Солнце - рыбка золотая.

В круговерти этой зимней
Появляются клестята,
А в берлоге - озорные
И слепые медвежата.

На кусты намел сугробы
Вихрей снежных хоровод,
Замело пути-дороги...
Скоро к нам весна придет?

И, когда с весной природа
Скорой встречи ожидает,
В храмах - Сретенье Господне -
Встречу с Богом отмечают.

Людмила Громова
“Свете Тихий”

С н е г

О чем расскажет нам сегодня снег?
О небесах, с которых улетаю,
И чистотой Божественной сияю,
Нес радость первозданную для всех.
Не потому ли на душе светло,
Когда на сказку чудную взирая,
И каждый штрих красивый подмечаю,
Оценишь вдруг Великое добро.

Одеты в снег деревья и земля,
Тропинки сквозь сугробы пролегают,
Лишь календарь спеша напоминает,
Что ничего не происходит зря.

Несет мгновенье каждое для нас,
Неповторимость в красоте обычной,
Возможность жить с любовью безграничной,
Благодарить за каждый день и час.

“Свете Тихий”

Ирина Журавлёва.

Глаза собаки - зеркало ума
И мысли отражают лучше лая.
Я загляну в них и наверно знаю,
Что думает сейчас она сама.

А по моим глазам она прозрит
Мою тоску по дружеской приязни
И, заскулив, под руку без боязни
Подластится.

И - пусть не говорит...

Станислав Федотов

Саломея

Приключения, почерпнутые
из моря житейского.
Александр Фомич Вельтман.

Начало см. № 54

Продолжение...

КНИГА ТРЕТЬЯ

Часть девятая

I

Кому любопытно знать дальнейшие приключения бедного Прохора Васильевича, Авдотьи Селифоновны и Лукерьи Яковлевны, тому предстоит читать следующее:

Вы помните, что случилось с Авдотьей Селифоновной? На другой день, чем свет, снова послышался визг Авдотьи Селифоновны. Нянюшка всполошилась бежать к ней на помощь, но девушки остановили ее.

- Ну, куда вы бежите, Афимья Ивановна?

- Нянюшка, нянюшка! - раздалось из спальни, и вслед за этим криком послышался стук в двери девичьей.

- Сударыня, что с тобой? - спросила испуганная няня, отворив дверь.

Авдотья Селифоновна, как полоумная, бросилась к няне.

- Господи, да что с тобой?

- Нянюшка, - проговорила Авдотья Селифоновна, дрожа всем телом, - нянюшка! кто-то чужой лежит там, охает да стонет, говорит что-то страшное... Ах, я так и обмерла...

- Голубушка моя, Дунюшка, помилуй, Бог с тобой! Откуда чужой взялся? Не узнала своего Прохора Васильевича!

- Ах, что ты это, какой там Прохор Васильевич! Это Бог знает кто!...

- Пойдем, пойдем!...

- Нет, я ни за что не пойду!

- Кому же быть, как не Прохору Васильевичу?

- Да, да, посмотри-ко, ты увидишь.

- Ах, молодец, как он налился... сам на себя не похож!... кто бы подумал! - проговорила про себя старуха, посмотрев на лежащего Прохора Васильевича.

Он горел, как в огне; глаза навывкате, что-то шепчет да ловит кого-то руками.

- Вот тебе и графчик, - проговорила опять старуха про себя. - Ох, надо сказать поскорей Василью Игнатьевичу...

- Куда? Нет, я тебя не пушу!

- Ах, мать моя, да что же мне делать? Надо позвать Василья Игнатьевича... Эй, девки!

- Нянюшка, поедом домой! Меня обманули!

- Эй, девушки. Где тут слуга-то его. О, Господи, Божье наказание!

Старуха металась во все стороны, но ее дитятко, Авдотья Селифоновна, повисла ей на шею и ни шагу от себя. Плачет навзрыд и молит, чтоб ехать домой.

- Помилуй, сударыня, что ты это, Бог с тобой!

- Меня обманули! - вопит Авдотья Селифоновна, - это какой-то оборотень.

- Ах, да вот, Матвевна! Матвевна, подь-ко сюда!

- Что это такое, сударыня, Авдотья Селифоновна, что с вами? - сказала сваха, испугавшись. - В чем дело? О чем это вы?

- Меня обманули! - повторяла Авдотья Селифоновна.

- Смотри-ко, какой грех, что делается с Прохором-то Васильевичем, - сказала старуха няня, - сам на себя не похож, так что барыня моя отказалась от него, твердит себе, что это не он.

- Да, таки не он: это черт, а не он. Ах, Господи, Господи! Что со мной будет!

- Что это с ним сделалось? - проговорила Матвевна, стоя над Прохором Васильевичем, скрестив руки. - Ох, кто-то испортил его, совсем таки не похож на себя!

- Неправда! Меня не обманете! Это не он! - повторила Авдотья Селифоновна.

- Кому ж другому быть, сударыня? - сказала Матвевна, покачивая головою.

- Ах, что-то ты страшное говоришь, Триша! - произнес вдруг Прохор Васильевич и повел кругом неподвижный взор. - Лукерьюшка... Тятенька не убьет меня?

- Бог его знает, что с ним сделалось, и не признаешь... Кажется, вчера был здоров, - сказала Матвевна, продолжая качать головою.

- Ну, уж, угостила графчиком, Матвевна! Уж я вчера догадалась, что он мертвую чашу пьет! Как тянул, как разносили шампанское-то... так и опрокинет в рот сразу... вот-те и графчик!

- Ах, мать моя, да я-то чем виновата? Наше дело товар лицом показать; а кто ж его знает, какие художества за ним водятся, - отвечала Матвевна.

А между тем не прошло нескольких минут, около Прохора Васильевича набралась тьма народу. Сбежалась вся дворня посмотреть на испорченного. Конон стоял тут же, дивился, как будто ничего знать не знает, ведать не ведает. Начались толки шепотом, аханья, кто советовал вспрыснуть водицей с уголька, кто послать за Еремевной: она, дескать, отговаривает порчу, а дохтура-то, дескать, в этом деле ничего не смыслят; оно, дескать, не то что какая-нибудь простая болезнь господская, мигрень, али что; нет, тут без заговору не обойдешься....

Авдотья Селифонтовна во все время ревом редела и упрашивала нянюшку ехать домой; но нянюшка, как смысленый человек, говорила, что это не приходится.

Между тем ключница Анисья побежала к Василью Игнатьичу.

- Батюшка, Василий Игнатьич, - крикнула она, всплеснув руками, - с Прохором-то Васильевичем что-то приключилось...

- Что такое? - спросил он, уставив на нее глаза. Василий Игнатьич только что протер глаза и сидел в своем *упокое*, в халате.

- А Бог его ведает, - отвечала Анисья.

- Что ж такое? - повторил он.

- Подите-ко, посмотрите!

- Да ты говори! Что мне смотреть-то? Не видал, что ли, я его? - крикнул он, - ну, что тут могло приключиться?

- Ох, сударь... его испортили!

- Испортили?

- Как в огне лежит, и узнать нельзя. Страшно смотреть!

- Ой ли? Что ж это такое? - проговорил Василий Игнатьич, не двигаясь с места и снова уставив глаза на Анисью.

- Да что вы уставили глаза-то, прости Господи! Подите к нему.

- Да пойду, пойду.

И Василий Игнатьич с некоторой досадой, что его потревожили, погладил бороду, крякнул и пошел.

- Это что за народ собрался? - крикнул было он, входя в спальню, где в самом деле набралось и своих и чужих смотреть на диковинку, как испортили молодого; но все перед ним расступились.

Василий Игнатьич вздрогнул, взглянув на сына, и онемел: на его доброе здоровье и на воображение слова мало действовали, он понимал только то, что было очевидно. Прохор Васильевич лежал, как пласт, с открытыми неподвижными глазами. Внутренний жар раскалил его.

- Что, брат Прохор, - начал было Василий Игнатьич, но остановился в недоумении: ему показалось, как говорится очень ясно по-русски: «что-то не тово». Но что такое это было, он сам не понимал.

- Что ж это такое? - проговорил он, продолжая всматриваться в Прохора Васильевича.

- Ох, испортили, испортили! - проговорила сваха Матвевна, положив голову на ладонку и подперев локотком, - да и Авдотья-то Селифонтовна что-то не в себе: словно полоумная вопит, что это вот “не Прохор Васильевич, а чужой”, говорит. Господи ты, Боже мой, говорю я ей: грех так не признавать супруга своего; ты, сударыня моя, привыкла видеть его все в немецкой одеже, а в своей-то и не узнаешь.

- Да и я говорила, - прибавила стоявшая подле Матвевны баба, - и я говорила: ступай, дескать, сударыня, поплачь лучше над ним; а то, вишь, к здоровому липла, а от больного прочь! Да еще кричит: домой да домой!

Долго Василий Игнатьич стоял над сыном в недоумении; наконец, наклонился над ним и сказал:

- Что с тобой, брат Проша? А где ж молодая-то? - спросил он, вдруг спохватившись.

- Да ушла, ушла в другие упокои, и быть здесь не хочет: боится, что ли, или одурела; говорит, “вишь, что это не Прохор Васильевич, а чужой”.

- Вот! Что она, с ума спятила? Уж я сына не признаю?! Черт, что ли, какой меняет лицо... вот родинка на груди. Ох, Господи, да что ж это с ним такое?

- Известно что: порча! - отвечала Анисья. - Послать бы еще за Еремевной; что ж это она нейдет? Расспросили бы вы, Василий Игнатьич, молодую-то: как это все вдруг приключилось? кому ж знать, как не ей?

- Где она? Подавай ее!

- Где! ушла да вопит, ни за што сюда нейдет.

- Вот! - проговорил Василий Игнатьич, - где ж она?

- Да в девичьей: “домой да домой”!

Василий Игнатьич пошел в девичью. Там Авдотья Селифонтовна сидела на коленях у своей нянюшки, обхватив шею ее руками и приклонив на грудь голову.

- Что ж это такое, Авдотья Селифонтовна? - сказал Василий Игнатьич.

Авдотья Селифонтовна, вместо ответа, всхлипывала.

- Василий Игнатьич пришел, сударыня, - сказала няня.

- Что ж это такое, Авдотья Селифонтовна, каким же это манером? - повторил Василий Игнатьич.

- Да отвечай же, сударыня! Ох, да уж и не спрашивайте ее: она до смерти перепугалась. Сама не знает, что приключилось Прохору Васильевичу.

- Как бы не так! - проговорила, всхлипывая, Авдотья Селифонтовна.

- Так изволь же сказать, что такое случилось с моим Прохором?

- Обманули меня, вот и все! - крикнула Авдотья Селифонтовна, приподняв голову с сердцем, - черта на подставу взяли, да меня не обманете!

- Что ты это говоришь, сударыня! Ох-о-хо, кто-то испортил свадьбу!

Василий Игнатьич почесал в голове и вздохнул.

- Наказание Божеское! - проговорил он, - ох-о-хо! За кем бы послать? Послать разве за Селифонтом Михеичем и Марьей Ивановной?

- Да за дохтуром-то бы послали, - сказала няня, - прописал бы лекарица Дунюшке; сердце так и колотит, и голова словно горячий уголь.

- За дохтуром? - спросил Василий Игнатьич. - За дохтуром? Боюсь, совсем уморит...

Василий Игнатьич был совершенно растерзан. Голова ли у него болела от заздравного вина на свадьбе сына, или перепугала его болезнь Прохора Васильевича, только он был весь не свой. И, как назло, покуда послал за доктором и успел дойти до спальни, где лежал больной, случилась новая беда - точно как *deus ex machina*, столь обыкновенный в *море житейском*...

Мы уже сказали, что и домашняя челядь и все соседки, сбежавшиеся смотреть на свадебную порчу, решили общим советом послать скорее за Еремевной. Ее ждали с нетерпением.

- Поди-ко-сь кто-нибудь, посмотри, не идет ли Еремевна, - повторяли по очереди то Анисья, то Матвевна,

У ворот скопилась целая толпа посланных встречать ее.

- Вот, вот, не она ли идет, торопится? - крикнули девушки, увидав подходящую женщину в шелковом, но уже стареньком холоднике, с накрытою платком головой.

- А что, голубушки, - спросила она, - это, что ли, дом Василья Игнатьича Захолустьева?

- Это, это! - крикнули в голос девушки, - пожалуйте сюда!

- А сынок-то его, Прохор Васильевич, здесь?

- Здесь, здесь! Давно уже вас ждет.

- Ой ли? Ах, голубчик!

- Бог весть что сделалось с ним: говорят, порча.

- Ах, что вы это говорите! Что с ним? Где он, где, голубчик мой! - вскричала женщина, побледнев как смерть.

- Сюда, сюда пожалуйте.

- Где он, где? - повторяла женщина, вбегая в спальню. Толпа раздалась перед нею.

- Прохор Васильевич, голубчик мой! - вскричала она и бросилась на больного почти без памяти.

Все стояли молча, как будто в ожидании чуда. Несколько мгновений продолжалась тишина.

- Что ж это такое она делает? - спросила, наконец, Анисья соседку Ивановну.

- А вот постой, - отвечала та.

- Еремевны-то нет дома, - сказал запыхавшись приказчик, Евсей Савельич, вбегав в спальню.

- Тс! Она уже здесь.

- Прохор Васильевич, душенька! - вскрикнула женщина, приподняв голову и взглянув на больного. - Душенька, ты ли это? Что с тобой, что с тобой? - И она снова обвинила Прохора Васильевича и начала страстно целовать его, заливаясь слезами.

- Дарьюшка, что это она, с ума, что ли, сошла?

- А вот постой, постой, молчи... вишь, приласкать хочет сперва.

- Ах, мать моя, да это не Еремевна! Еремевну-то я знаю; это какая-то другая.

- Да ты знай молчи уж, послушай, что она причитывает. Между тем Василий Игнатьич послал за доктором, который жил через дом.

Доктор немедленно явился.

- Пожалуйте, - повторял Василий Игнатьич, провожая его в комнату сына, - пожалуйте!

- Что такое сделалось с ним? - спросил медик, расталкивая толпу.

- Да вот, - проговорил Василий Игнатьич.

- Душенька! - вскрикнула снова женщина.

Жить вредно.

От этого умирают. (С. Лец)

Прохор Васильевич пошевелил головою, открыл глаза и вздохнул.

- Позвольте! - сказал медик, подходя к постели, - позвольте! - повторил он, взяв женщину за руку.

- Эх, батюшка, Василий Игнатьич, к чему вы призвали лекаря-то, - сказала вполголоса Анисья, - ведь вот уже лекарка почти отговорила его, смотрите-ко, уж очнулся.

- Голубчик ты мой, душа моя, взгляни-ко ты на меня! Ведь я с тобой! Узнаешь ли ты свою Лукерьюшку? Прохор Васильевич!

- Позвольте! - повторил медик, - отведите, пожалуйста, эту женщину: она только тревожит больного.

- Да кто ж ее отведет? - сказала одна из соседок, - она, чай, свое дело знает; делает, что нужно. Не мешать бы ей, так лучше бы было: на порчу-то нет лекарства...

- Позволь, милая, - сказал медик с сердцем. Поди, пожалуйста, прочь!

- Я... прочь от него?! Нет! - сказала Лукерья Яковлевна, оглянувшись на медика, взором полным слез.

- Что это, жена больного? - спросил медик.

- Разумеется, что жена, - отвечала она жалобно. - Кому ж быть-то мне, как не жене его? Кто будет умирать-то над ним, как не я? Прохор Васильевич, голубчик, душенька!

- Это что же такое, - спросил Василий Игнатьич, совсем растерявшись, - Матвевна! Это Авдотья Селифонтовна?

- Ох, Бог с вами, что вы это, Василий Игнатьич!

- Это какая-то безумная, что ли; смотри, пожалуй! Величает себя женой Прохора Васильевича! Да кто ее привел сюда?

- А Бог ее знает, кто-нибудь да привел.

- Позволь, моя милая, - начал опять медик, - ему надо поскорей помочь; а не то ведь он умрет.

- Умрет? Ах, Господь с вами! - вскрикнула Лукерья Яковлевна: - да вы кто такой? Лекарь, что ли?

- Лекарь, милая.

- Так помогите! Помогите, пожалуйста. Уж это не в первый раз с ним; о великом-то посте тоже с месяц без памяти пролежал...

- Да ты кто такая, голубушка? - спросил вдруг Василий Игнатьич, как будто очнувшись и дернув за рукав Лукерью Яковлевну.

- Да жена же его, - отвечала она смиренно, отирая рукавом глаза, - с год пролежал больной, поправился немного, да и вздумал идти сюда: пойду, говорит, к тятеньке; да и пошел... а я осталась; жду день, другой - нет! Я и перепугалась...

- Ах ты, Господи! Да это что такое! Поди-ко, поди, пошла нон! - крикнул Василий Игнатьич, - вишь, со всех кабаков сюда сбегались! Вон! Гони, Евсей, всех их!

- Да что ты, господин, с чего ты взял, что я пойду от мужа?!

- Ну, ну, ну! Вон! Евсей, вытолкай ее!

- Меня вытолкать? Да с чего ты взял, разбойник... Чтоб я оставила мужа на чужие руки!

- Смотри, пожалуй! Ах ты паскудная! Да откуда она взялась? Ведь это черт принес какую-то безумную! Да вытолкайте ее! Ну, ну! вон! - повторял Василий Игнатьич.

- Прохор Васильевич! Голубчик! Смотри-ко, выгоняют меня! Нет, уж этого не будет! - и Лукерья Яковлевна, отбившись от Евсея, который потащил ее за руку, бросилась снова на кровать и обхватила больного.

- Да что ж это за женщина? - спросил медик.

- Безумная какая-то, черт ее принес, - сказал Василий Игнатьич. - Тащи ее, Евсей, вон!

- Да кто с ней сладит?! Потревожишь только больного Прохора Васильевича, - отвечал Евсей.

- Да ты сбегай скорей за будочником: скажи, что какая-то пьяная али безумная затесалась да подняла тревогу, - навела на ум Матвевна.

Лукерья Яковлевна, ни на что не обращая внимания, села на кровать и смотрела в глаза Прохору Васильевичу, обливаясь слезами. Только что он пошевелился, охнет, откроет глаза и пыхнет внутренним одолевающим его жаром, «Родные мои, подайте водицы, испить ему! - начнет молить она ко всем стоящим подле кровати: - ох, я бы сама побежала, принесла, да боюсь - отнимут тебя у меня... Дайте ему водицы во имя Христа, господя!»

Но ее мольбы прерваны были приходом хожалого с будочниками.

- Где она?... - крикнул хожалый.

Напрасно Лукерья Яковлевна вцепилась в Прохора Васильевича: ее потащили вон из комнаты, потом к воротам.

- Эй! Извозчик! Подавай сюда!

И вот взвалили беспмятную Лукерью Яковлевну на калибер, и повезли в часть.

- Господи, Господи, что это такое творится в доме! - повторяли, скрестив руки, Матвевна и Анисья, рассуждая между собой и со всей остальной челядью.

Все ахали.

Медик решил, что у Прохора Васильевича воспаление, прописал рецепт, пожал плечами, выслушав рассказ, как все случилось; попробовал пульс Авдотьи Селифонтовны, сказал, что «ничего, просто испуг, пройдет!...», прописал успокоительное и уехал.

Василий Игнатъич долго ходил по комнатам, как потерянный, пришел было в себя, когда явился приказчик с деньгами с почты, занялся было счетами; но доложили, что пожаловали Селифонт Михеич и Марья Ивановна.

Начались рассказы, ужасы, аханья, слезы Авдотьи Селифонтовны, вопли, что ее обманули, что она не хочет здесь оставаться, что она умрет, если ее не возьмут домой.

Селифонт Михеич стоял, слушал, гладил бороду, потирал лоб и молчал, а перепуганная Марья Ивановна повторяла на вопли Дунечки: «Что ты, что ты это, Дунечка! Бог с тобой! Пригодно ли такие вещи говорить!»

Когда все пошли в комнату к больному, Авдотья Селифонтовна сказала, что ни за что не пойдет; но отец грозно проговорил:

- Это что?

- Ступай, сударыня, не гневи родителей, - сказала ей няня.

- Господи! Как вдруг переменялся! - проговорила Марья Ивановна, взглянув на Прохора Васильевича, который лежал в забытьи.

- Что ж, матушка, известное дело: болезнь хоть кого переменит, - сказал Селифонт Михеич.

- Вестимо, что здоровый не то, что больной. Я сам как будто поусомнился, диво ли, что Авдотья Селифонтовна не признала...

- Вот, уж не признала. Ведь она так только говорит. Василий Игнатъич, вы не извольте обижаться, - сказал Селифонт Михеич, - кто ж отрекается от живого человека.

- Да! Отрекается! Черт это! - проговорила вполголоса Авдотья Селифонтовна, спрятав свою голову почти под мышку матери.

- Тс... полно, - шепнула ей Марья Ивановна. - Ох, бедный, бедный, - прибавила она вслух: - в самом деле словно другой человек...

- А я так рассуждаю, - сказал Василий Игнатъич, - что здоровый-то человек не то, что больной. Вот я теперь вижу, что это - Прохор, вылитый Прохор! А как возвратился он из чужих краев да понабрался французского духу, так, признательно вам сказать, ей-ей, не узнал, поусомнился: Прохор, думаю, или нет? Вот что значит, сударь мой, манера-то французская! Совсем ведь другой человек! Истинно скажу: и походка-то не своя, и говорит-то как будто на чужой лад, и ходит-то не так, как люди. Да словом, вы изволили бывать в театре?

- Никак нет, Василий Игнатъич, - отвечал Селифонт Михеич, - ох, уж до театра ли!

- А вы, Марья Ивановна?

- Не привел Бог!

- Жена сказала бы ты: избавил Бог! Бог, что ли, водит смотреть на эту дьявольщину?

- Эх, Селифонт Михеевич! Да ведь это только так представляется. Ну, да что об этом! Так вот, я говорю: и Проша-то словно актер: кажется, русский человек, а как нарядится да прикинется немцем али французом - и черт не узнает! Примерно сказать, Живокини: как нарядится китайцем - китаец да и только! То же и с моим Прошей было: так подделался, собака, под французскую статью... графчик, да и всё тут! Я так рассуждаю: что человека-то меняет французская манера; а вот как болезнь-то прихватит, знаете, так оно и мое почтение-с! Куда денется французская дурь! Так ли, Селифонт Михеич? Как вы думаете?

Селифонт Михеич стоял и думал: «Что тут думать-то? Божеское наказание, и тебе, да и мне тоже!»

- А? вот оно что: я и сам смотрю на Прохора да дивлюсь.

- Ох, Василий Игнатъич, - сказал Селифонт Михеич, - Бог посылает и беду, и недуг на исправление человеку. Дай-то Бог, чтобы и Прохору Васильевичу послужило это в науку. Оно, знаете, и хорошо: павлиньи-то перья, да... Что тут говорить! Не наряжали бы в них вы сынка, а я дочку, так дело-то было бы лучше. Да вот еще что, сударь: сынок-то ваш, проговорила мне жена, купил французское поместье да хочет туда переселиться... Нет уж, извините, я дочери не позволю ехать туда, не позволю!

- Что так, то так, Селифонт Михеич. Проша приценился к поместью, а я и деньги дал в задаток. Поместье наше, - сказал Василий Игнатъич, поглаживая бороду. - Французское поместье, сударь, не то что расейское... У нас степь, поле; хорошо, как есть что посеять, да Бог уродит. А там, сударь, всякой продукт сам собою родится - что год, то благодать и изобилие плодов земных. Примерно, хоть виноград. А как явится комета с хвостом, так такой урожай, что удивление... да еще первого сорту, самое лучшее вино. Самим вам известно кометное шампанское - по сю пору тянется. А комета-то когда была? В одиннадцатом году! А по нашему календарю -

опять будет комета, да еще две... Так оно и тово, сударь, выгодно купить французское поместье. Да еще, с вашего позволения, с графским достоинством. Нет уж, батюшка Селифонт Михеич, упустить такой благодати нельзя, да и не следует. А что вам дочку не угодно отпустить туда с сыном моим, так это мне крайне ощутительно, Селифонт Михеич.

Слова Василья Игнатьича были прерваны внезапным воплем Авдотьи Селифонтовны.

- Дунечка, Дунечка, душа моя, что с тобой? - спросила ее Марья Ивановна, крепко прижав к сердцу.

- Что ты, матушка моя, голубушка моя, - заговорила к ней и няня, глядя ее по голове и целуя в голову, - ну, о чем ты плачешь? Будет здоров твой Прохор Васильевич. Смотри-ко, смотри, он взглянул на тебя...

- Убирайся ты с ним! - крикнула Авдотья Селифонтовна, оттолкнув няню, и еще горчее зарыдала, закинув голову назад.

- Христос с тобою! - проговорила испуганная Марья Ивановна, обхватив дочь обеими руками, - Дунечка, милочка, что с тобою?...

- Дуняша, не годится так реветь! Что, тебя режут, что ли? - сказал Селифонт Михеич.

- Режут! - крикнула Авдотья Селифонтовна.

- Глупая, глупая! Приходится ли так огорчаться, убивать себя! - сказала мать.

- Да, убивать себя, - проговорила Авдотья Селифонтовна, всхлипывая, - если бы я знала, лучше бы умерла!...

- Ох-о-хо, не гневи Бога, Дунечка! - сказала, вздыхая, Марья Ивановна, - не отпевай до времени! Прохор Васильевич выздоровеет, даст Бог.

- А что мне в том, что выздоровеет! - заговорила Дунечка, - тятенька не хочет отпускать меня в Париж ехать... а я не хочу здесь оставаться. Экая радость! Поди-ко-сь! Чтоб все смеялись надо мной: вот, хвалилась, дескать, хвалилась...

- Дура! Ах ты, Господи! Вот, воспоили, воскормили да вырастили горе! - сказал Селифонт Михеич и вышел по обычаю своему - удалиться от зла, от слез, от крику и глупостей.

Марья Ивановна не знала, что говорить: ей только больны были слезы дочери. Ей всегда казалось, что тот прав, кто плачет.

- Полно, полно плакать, Дунечка, - повторяла она, - все перемелется, мука будет.

- Успокойтесь, Авдотья Селифонтовна, - сказал и Василий Игнатьич, - уж будьте в том удостоверены, что будете графиней, дайте только Проше выздороветь... Доктур сказал, что скоро будет здоров. Вместе поедem, ей-ей вместе поедem!

- К чему ж тятенька говорит, что не пустит? - спросила Дунечка.

- Да мало ли что он говорит, - отвечала Марья Ивановна дочери, - ну, стагошное ли дело не отпускать тебя? Власть-то теперь над тобой не наша, а мужнина; куда хочет, туда и везет.

Авдотья Селифонтовна, не хуже многих иных, жила чувствами, не размышляя. И потому, что коснется до чувств приятным или неприятным образом, то и вызывает наружу радость или горе. Кстати или не кстати, умно или глупо, лепо или нелепо - это дело другое: дайте сперва накричаться, нажаловаться на судьбу, выплакаться хорошенько, всех собой перетревожить, а потом уж подумать... Да и не подумать, а так - по новому впечатлению чувств быть *довольной* или *недовольной*.

- Лекарство принесли, - сказала Анисья, входя со стлянкой в руках, - да я не знаю, как давать-то его; на ярлыке, вишь, написано...

- Прочти-ка, Дунечка.

Авдотья Селифонтовна помотала отрицательно головой, взглянув с содроганием на Прохора Васильевича.

- Поедemте, маменька, - сказала она матери.

- Куда это, куда тебе ехать?

- Я здесь ни за что не останусь, - отвечала Авдотья Селифонтовна.

Марья Ивановна прикрикнула на дочь, но это не помогло; она снова залилась слезами, завопила, что ее морочат, что подставили ей вместо Прохора Васильевича Бог знает кого.

- Нет, уж вы этого не извольте говорить, Авдотья Селифонтовна, - сказал Василий Игнатьич, - не извольте говорить, что Бог знает кого подставили! На подставку Прохору у меня нет никого. А я вот что смекаю: вас обоих испортили.

- Ох, так, так! - проговорила, вздохнув глубоко, старая няня Авдотьи Селифонтовны, - кто-нибудь сглазил...

- Чего доброго! - прибавила Матвевна, - и сомнения никакого нет.

- Ох, Господи, что вы это говорите! - вскричала встревоженная словами Анисьи и Матвевны Марья Ивановна, - ужели Дунечку мою испортили? Да чем же, чем? Дунечка, душа моя, ты что ж такое чувствуешь, скажи мне? Головка, что ли, болит?

- А Бог знает, что такое, - проговорила Дунечка жалобным голосом, - я ни за что здесь не останусь, в чужом доме.

- Какой же чужой, сударыня моя, - начал было Василий Игнатьич; но слова его были прерваны докладом, что в зале его ожидает квартальный.

- Какой квартальный? - спросил с испугом Василий Игнатьич.

- Нашей части.

Крякнув, Василий Игнатьич пошел в залу.

- Мое почтение, батюшка Иван Федотович, как вас Бог милует? Покорнейше просим...

- Василий Игнатьич, - начал квартальный, присев вместе с хозяином, - дело-то не ладно...

- Что такое, батюшка Иван Федотович? - спросил с испугом Василий Игнатьич.

- Да вот что: ко мне привели женщину, которая доказывает, что она жена вашего сына.

- Помилуйте! Да это, сударь, здесь ее и взяли: какая-то пьяная или полоумная, подняла такой крик...

- Я, конечно, сам поусомнился. Подумал, что, может статься, Прохор Васильевич и имел с ней знакомство - так... когда-нибудь... понимаете? Обещал, может статься, и жениться на ней, да бросил потом. Знаете, все это вещи обыкновенные; так она, может статься, и с ума сошла - бывает. Я слушал, слушал, вижу - очень не дурна собой; только гниль несет: говорит, что в Переяславле у нее брат, что там Прохор Васильевич познакомился с ней в прошедшем году.

- Помилуйте, Иван Федотович! - воскликнул снова Василий Игнатьич.

- Позвольте; это еще все возможное дело, все может статься...

- Да помилуйте, Иван Федотович, в прошлом году Прохор был в Немечине!

- Позвольте, Василий Игнатьич, я ведь не говорю, чтоб это так точно и было. Да ведь кто ж ее знает... может статься, из всего этого возникнет *дело*.

- Господи! - проговорил Василий Игнатьич, - вот послал Бог наказание со всех сторон!

- Позвольте, ведь как возьмешься за дело? Я, конечно, не поверю какой-нибудь бабе; притом же она говорит, что будто Прохор Васильевич в Рохманове лежал больной, а дня с четыре тому назад отправился к вам.

- Экой сумбур! Да что ж ее и слушать, Иван Федотович! Мало ли что наговорит сумасшедшая; сами вы знаете, что Прохор уже месяц как возвратился из чужих краев, а вчера была свадьба. Женили, сударь, его на Авдотье Селифонтовне; да вдруг вот заболел. Бог его знает...

- Оно так, действительно, Василий Игнатьич: да ведь мы обязаны снять допрос. Оно, может статься, и ничего, пустяки - мало ли мошенниц бывает! Да дело-то пойдет в огласку... и вам запросы, и Прохора-то Васильевича на личную ставку потребуют. Так я уже и не знаю, как тут быть? Оно, конечно, может статься, что она в беспамятстве и не помнит, что говорит; да ведь хуже-то всего вот что...

Квартальный вынул из кармана бумагу:

- Извольте-ко посмотреть.

- Что это? Паспорт Прохора?

- Да-с; он у нее был.

- Ах ты, Владыко, Царь Небесный! Да она украла его! - покричал Василий Игнатьич.

- Оно может статься. Да кто ж ее знает. А ведь это все приложится к делу.

- Ну уж этого я не понимаю. Прощенья просим, - сказал Селифонт Михеич, выходя из гостиной.

- Куда ж это вы, Селифонт Михеич?

- В город, Василий Игнатьич. Жена покуда останется здесь. Дунечка-то одурела... Прощенья просим.

- Ох-о-хо! - проговорил Василий Игнатьич, - уж не знаю, что и делать! Прощайте покуда, Селифонт Михеич. Пойдемте-ко, Иван Федотович, ко мне, поговорить; а то здесь все мешают.

- Я вам говорю, что это все чье-нибудь мошенничество, - сказал Василий Игнатьич, кончив совещание: - я так смекаю, что кто-нибудь подучил ее...

- Я сам то же думаю, да и без всякого сомнения, - отвечал квартальный выходя. - А в таком случае - что ж делать? Знаете, чтобы оправить правого, не грех и покривить душою, если нет другого средства...

- Так, так, сударь, так! - отвечал Василий Игнатьич, низко кланяясь.

Между тем Прохор Васильевич лежал без памяти, в сильной горячке. Марья Ивановна, растроганная слезами дочери, принуждена была взять ее домой на время болезни *молодого*. Рассказы дворни о женщине, - которая, откуда ни возьмись! - выдавала себя за жену Прохора Васильевича, дошли через няню со всеми выводами и заключениями и до Марьи Ивановны. Решено было, что что-нибудь да не так: верно, эта женщина - любовница Прохора Васильевича; что она-то, подколотная змея, и испортила свадьбу...

- Нет, матушка, сударыня Марья Ивановна, - говорила няня, - мой совет таков: чтоб и из рук не выпускать Авдотью Селифонтовну! Беда, я вам говорю... эта злодейка отравит ее!

- Ох, что ж ты будешь делать-то с нею? - воскликнула Марья Ивановна.

- Что делать? Да что ж делать-то, матушка: на смерть отдать ее, что ли?

И сама-то она не пойдет туда ни за что, недаром опротивел ей Прохор-то Васильич.

- Ох, согрешили мы! - вздыхая, повторяла Марья Ивановна.

Спустя недели полторы Прохор Васильевич стал приходить в себя. Василий Игнатьич сидел подле него, когда он в первый раз открыл глаза, как будто после долгого сна.

- Что, брат Прохор? - сказал Василий Игнатьич.

Прохор Васильевич взглянул на отца, вздрогнул, отворотил голову и снова закрыл глаза.

Все время болезни за Прохором Васильевичем ухаживала Анисья. Приходя в память, он привык видеть ее около себя, но отвечал на ее вопросы только одним движением головы, как будто закаявшись говорить. Просить чего-нибудь он также не нуждался: Анисья предупреждала его во всем. Только что он откроет глаза или вздохнет: «Не прикажешь ли испить, Прохор Васильевич? Не хочешь ли чайку али супцу? А?... Чайку? Ну, хорошо, хорошо, сейчас; самовар ведь день и ночь не потухает, неравно спросишь».

Равнодушный, неразговорчивый или, может быть, торопливый медик также не требовал от своего выздоравливающего речей, а довольствовался расспросом Анисьи.

- Что, как спал?

- Хорошо, батюшко.

- А все исправно было?

- Как же, сударь.

- Ну, а что аппетит?

- Кушал, батюшко, овсяную кашку.

Потом подходил к больному и, пощупав пульс, командовал ему: «Язык!» Прохор Васильевич, высунув язык, ждал, покуда медик скамандует: «Хорошо, довольно!»

- Что, лекарство еще есть?

- Есть, батюшко, есть еще, довольно.

- Ну, я пропишу другое.

- Да уж не будет ли и того?

- Ну, уж это не твое дело.

- Ну, пропиши, батюшко, пропиши, - говорила Анисья, - да написал бы в аптеку-то, чтоб не брали, собаки, так дорого за лекарство: ведь что день, то красная бумага.

- Ну, уж это не мое дело, - отвечал медик и отпирлялся.

Анисья садилась подле больного и, надвизывая чулки, беседовала сама с собою:

- Вишь ты, гладкой какой! «Не его дело!» А того не знает, что Василий Игнатьич сердится, что на лекарство денег много идет... Чем бы на меня-то кричать, лучше бы на него прикрикнул, право! Вот уж народец: не пожалеют, небойсь, чужого добра! Что, дескать, чужое-то, ведь это не свое... Разбойники, прости Господи! Всякой своей правдой хочет жить, а что правда-то их? Кривда! Что, не поднять ли подушки? Али испить? Испей-ко! Господи, благослови! Ах ты, сударик мой хороший, чей это черный глаз тебя сглазил, или уж зелья какого поднесли? Легко ли, словно мертвый лежал ты девять дней! Чу! Никак Василий Игнатьич идет?

Только Василий Игнатьич в двери, Прохор закроет глаза и отвернет голову к стене.

- Что, Анисьюшка? Что, Проша?

- Слава Богу, только слаб очинно. Ни на что не жалуется. Сейчас прихлебнул чайку...

- Спит, стало быть?

- Уснул, верно; а сейчас, вот сейчас только глядел глазками.

- Ну, пусть его спит. Дохтур-то, чай, опять прописал «рецепт»?

- Прописал, прописал.

- Ну, так ведь, ей-ей, не то чтобы жаль было денег, да жаль за дрянь такую платить Разоренье, да и только! Я бы, право, плюнул на эти «рецепты»!

- Ну, уж, Василий Игнатьич: кто ж помог Прохору Васильевичу, как не он.

- Ах ты дура, дура! «Помог»... Эка помощь! Как лежал пластом, так и теперь лежит.

В самом деле, прошло еще несколько дней, а Прохор Васильевич лежит как пласт и не думает вставать с постели. Всем бы, кажется, здоров: ночь спит крепко, напьется чайку с подобающею жаждою, похлебают овсяной кашки, съест кусочек курочки да пару печеных яблочков с надлежащим вкусом, заснет, опять проснется, покажет язык доктору, примет лекарство, послушает, о чем говорит сама с собою Анисья, отвернется к стене и закроет глаза, когда войдет отец, - все, кажется в исправности, а лежит себе да молчит: точно как будто боится выздороветь, чтоб тятенька не убил.

И Бог знает, как вышел бы из этого положения Прохор Васильевич; без *deus ex machina*, - кажется, и не вышел бы. В один вечер пробралась на двор черница.

- Добрые люди, - сказала она, становясь в дверях людской, - пустите, ради Господа Бога, переночевать богомолочку!

- Откуда ты, мать моя? - спросила ее стряпуха Ивановна.

- Ох, издалека, голубушка.

- Утомилась ты, я вижу. Войди, милости просим; переночуй, найдем порожний угол.

После долгих разговоров, взаимных расспросов и рассказов черница, когда дошло дело и до больного и до события на свадьбе, слушала, устремив на Ивановну неподвижные глаза, в которых копилась слезы. Дыхание ее становилось тяжело, она, казалось, ничего не понимала.

- На свадьбе! Кто женился?

- Да Прохор же Васильевич, говорю я тебе.

- Голубушка! как женился? когда?

- Чай, уж недели две. На дочке Селифонта Михеевича... хорошо бы, кажись, да так, что-то не по сердцу; а тут еще такой случай... Что с тобою, мать моя?

- Ох, закружилась что-то голова, - проговорила черница, надвинув на лицо черный платок, которым покрыта была ее голова. - Господи, Господи, согрешила я перед тобою! - воскликнула она неволью.

- Испей, мать моя, водицы... Что, али сильно ломит голову?

- Ох, болит, болит, мочи нет!

- Бедная! Приляг.

- Ох, нет! Что тут об себе думать? Ваш больной-то, чай, умирает... Вот, снеси ему просвирку, скажи, что за его здоровье вынута. Снеси, пожалуйста!

- Ладно, ладно; да ты-то тут не умри! - сказала испуганная Ивановна.

- Ах, нет; у меня так это бывает...

- То-то! Пустишь чужого человека в дом, да после и валандайся; добро бы я хозяйка была, а то - что...

- Не бойся, пожалуйста. Я говорю тебе, что это так у меня; вот и прошло. Ох, да как же я люблю ходить за больными! Я бы походила и за вашим...

- Уж где тебе; ты и сама-то, вишь, слабая какая.

- Бог дает силы и слабым на добрые дела. Право, я бы походила за вашим больным. Что-то сердце говорит, что я бы ему помогла - молитвой помогла бы.

Ивановна посмотрела с участием на черницу.

- Да, хорошо, хорошо, - сказала она, - я вот пойду, скажу Анисье Семеновне. Она еще и рада будет: истомилась бедная, сколько ночей не спала...

Ивановна, взяв просвирку, пошла наверх, а черница, оставшись одна в горенке, залилась горькими слезами, припав к столу. Ей так хотелось выплакать не одно только горе, а душу; но едва послышались шаги Ивановны, она встрепенулась и отерла слезы.

- Пойдем к Анисье Семеновне, - сказала Ивановна, - она еще как рада, сама все думала пригласить сиделку, да некого было.

- Ах, пойдем, - проговорила тихо черница, - я хоть век просижу подле больного, у меня сна совсем нет.

Вслед за Ивановной она пошла наверх. Анисья встретила ее в девичьей и истомила расспросами.

- Ну, как же я рада, что нашелся такой добрый человек, как ты! Пойдем к больному. Он забылся; тихохонько...

Входя в роскошный покой, где лежал Прохор Васильевич, черница, видимо, содрогнулась. Подойдя к постели больного, она схватилась за кровать, и взор ее, как прикованный, остановился на нем.

- Сядь, сядь, милая, - повторила Анисья и наконец насильно взяла ее за руку и посадила подле себя на стуле.

- Ах, потише говорите, он уснул, - сказала черница.

- И то шепотом говорю, - отвечала Анисья, - какая ты осторожная.

И Анисья начала снова расспросы про то, про се, откуда, куда, где бывала, что видела. Бедная черница как будто перезабыла все и отвечала рассеянно.

- Э, какая ты неговорливая, - сказала Анисья, начиная уже дремать, - фу, какая здесь духота!

- Вы бы пошли уснуть, Анисья Семеновна, я посижу.

- Ладно. Да ты не заснешь? Сажала я в прошлые ночи Дуняшу да Машу. Куда! Только отвернись, они уж и спят!

- Нет, я не усну.

- А как же быть-то, как он проснется да испугается тебя?

- Не испугается, отчего же испугаться? - проговорила черница.

- Как не испугаться: чужая женщина, вся в черном; хоть с головы-то сняла бы ты шапочку-то свою.

- Я сниму.

- Ну, ладно; смотри, как проснется, позови меня, я в девичьей лягу.

Анисья вышла.

Черница сбросила с головы платок и шапочку, упала на колена перед образами, и, заливаясь слезами, молилась. Когда душа загорается во взорах и выступает на уста молящейся женщины, взгляните тогда на нее и сами молитесь...

После долгой молитвы она прислушалась вокруг, встала, подошла к кровати, сделала движение, чтоб прикоснуться к больному, но, казалось, не смела, боялась нарушить его сон.

- Прохор Васильевич! - произнесла она тихо и повторила несколько раз.

Больной вдруг вздрогнул, очнулся и устремил на нее глаза.

- Тс! Не пугайся, это я - твоя Лукерьюшка... Узнаешь ли ты меня?

Прохор Васильевич приподнялся, протянул к ней руки, но ни слова. Казалось, чувства его снова помutilись.

- О, Господи, что я сделала! - проговорила Лукерья Яковлевна, и она обхватила руками своего мужа.

- Лукерьюшка! - проговорил он, наконец.

- Узнал, узнал меня! Дай же мне теперь выплакаться! - произнесла она, задушив голос, и зарыдала.

- Что ты плачешь? - сказал Прохор Васильевич после долгого молчания.

- Тс, тише, тише! Да, я плачу: ты забыл меня, ты... - Она не могла продолжать.

- Я забыл?! Нет...

- Тебя женили на другой. Погубил ты меня.

- Ох, не говори. Неправда!

- Как неправда?

- Неправда! Я все тебе скажу... О, Господи! Лукерьюшка, уйдем отсюда: я боюсь тятеньки; я боюсь на него смотреть... Уйдем отсюда!

- Уедем, уедем, куда хочешь! Да как же это: говорят, что ты женился...

- Ох, не говори теперь... уйдем поскорей!

- Куда ж теперь идти? Как идти?

Прохор Васильевич задумался.

- Как уйти? - повторила Лукерья Яковлевна: - ты еще болен...

- Как-нибудь, Лукерьюшка.

- Да как же?

И задумались они оба, и ничего не могли придумать...

(Продолжение следует)

Александр Фомич Вельтман.

Обожаю женщин, но терпеть не могу их общества. (Анри де Монтерлан)

Улица безлюдная...

Ночной порой...

Ночной порой за грусти кругом
Сверкнет надежды нашей штрих...

Не называл меня ты другом,
Но скорби вынес за двоих.

Не поднимал за дружбу чаши,
А только тихо напевал

Мотив, что предки пели наши
В краях озёр, лесов и скал.

Земных страстей огонь не вечен -
Он пеплом ляжет позади.

Не часто ласково привлечен
В ком сердце пылкое в груди.

Не кистью пишутся картины,
Стих не выводится пером.

Вселяет лад огонь лучины
Душе, что полнится теплом.

Не называл меня ты другом
И клятв пустяшных не давал.

Не ждал, чтоб кто-то по заслугам
Восторги всуе выражал...

Александр Лазутин.

Сайт "Свете Тихий"

Улица безлюдная, улица холодная,
снег кружится в воздухе, ветер гонит снег,
ночь пришла холодная, ночь пришла безродная,
и бредёт по городу странный человек.
За столом обеденным не сиделось вечером,
за порог гнала его чёрная тоска,
он ведь знал, что ждать ему абсолютно нечего
- не споёт под тувелькой старая доска.
Шорох платья чёрного не раздастся в спальне,
штора не задёрнется женскою рукой,
он в огромном городе стал до жути маленьким,
с этою огромною, страшною бедой.
Мимо окон праздничных, где беды не чаяли,
где гирлянды гроздьями и из ваты снег,
где-то далеко от всех, за седыми далями,
брёл один по городу странный человек.
Всем казалось: вот оно, счастье бесконечное,
совершится, сбудется, и любовь близка,
и кружились в воздухе звёздочки беспечные,
но одна вдруг лопнула у его виска.

Юрий Берг.

Сайт "Свете Тихий"

ЧЁРНАЯ ЖЕНЩИНА

Николай Греч
С.-Петербург, 1796

Начало в № 74

Роман.

Книга первая

XI

Яркий луч утреннего солнца разбудил Кемского. Друзья его еще спали глубоким сном. Он встал потихоньку, оделся, взял шляпу и вышел из дому. Сам не зная куда, побрел он по двору пономаря, повернул направо к красивому домику, в котором ставни были еще заперты, сделал еще несколько шагов и вдруг очутился посреди самой очаровательной картины - на вершине горы, склоняющейся легкою отлогостью к живописному озеру, окруженному сизыми горами. Разноцветные деревья в самых прелестных отливах, от темно-зеленой сосны до позлащенной осенью березы, смотрелись в тихой воде, поднимаясь уступами на отлогостях; в других местах берег был крутой и обрывистый. Над горами и деревьями стоял прозрачный туман, над туманом сияло солнце. Никто не прерывал глубокого молчания. Кемскому казалось, что он стоит над одним из озер дикой Канады. Он начал спускаться вниз по дорожке, проложенной к озеру. На каждом шагу виды менялись. Когда он был на половине горы, раздались на ее вершине унылые звуки флейты. Трепет пробежал по его жилам. После быстрой прелюдии послышалась какая-то прелестная мелодия, дышавшая сладостью и нежностью стран южных, не искусственная, имевшая характер народной песни, унылой и выразительной. Жалобные тоны, сначала звонкие, стали мало-помалу утихать и замолкли в пустыне; чудилось, что тихий воздух легким навеванием отвечает умирающим звукам, и совершенная тишина по-прежнему водворилась над озером. Кемский долго еще стоял на одном месте и прислушивался, не будет ли продолжения. Нет! Все было тихо. Он медленно пошел далее и приблизился к краю пустынного озера, гладкого, как поверхность чистого зеркала. Вправо от дороги, на выдавшемся в воду утесе увидел он сидящего человека и вскоре узнал в нем вчерашнего артиста. Кемский подошел к нему и увидел, что он снимает на бумагу вид озера, посматривает на прелестный ландшафт холодно и беспечно, а на работу свою с приметным удовольствием, которое иногда превращалось в порывистые восторги, выражаемые громкими восклицаниями. Вчера был он тих, скромн, молчалив, при каждом слове запинаясь, ни разу не забывал примолвить к ответам: "Ваше сиятельство", а ныне сделался бодр, смел и, завидев князя, вскричал с радостью:

- Вот умно, что вы встали пораньше и догадались выйти на озеро! Вся петербургская губерния не стоит этого укромного местечка! Что за переливы цветов! Какие группы дерев!

- А это прекрасное место, конечно, не стоит вашей картины? - спросил Кемский, ожидая, что художник не примет этой хвалы и скромно отдаст преимущество природе. Не тут-то было.

- Разумеется! - вскричал он. - Ну что здесь важного! Несколько сот бочек стоячей воды, земля, грязь и камень; кое-где сосны, ели и березы - все это, правда, освещено, но не везде как должно. А картина - это дело другое. В натуре случайное слияние предметов - на картине обдуманное, рассмотренное со всех сторон, отделанное в малейших подробностях целое! - Засим полился еще длинный ряд сравнений искусства с природою, ко вреду последней.

Кемский, видя, что художник упрямо стоит в своем мнении и никак не хочет переменить его, перестал спорить. Между тем солнце поднялось выше, туман над водою исчез, и все предметы озарились ярким дневным светом.

- Вот видите, сударь, что значит ваша природа! - сказал Бериллов. - Куда девалась прекрасная картина осеннего утра? Пропала, может быть, надолго. Чего доброго, завтра набегут тучи, польется дождь, а там, не успеешь оглянуться, и зима; озеро это превратится в гладкую степь, между тем как моя картина... - Он посмотрел на свой эскиз с родительским чувством, почти сквозь слезы. Вдруг задумался, бросил взгляд на озеро, потом на бумагу, взял карандаш и начал поправлять. Кемский долго стоял и смотрел на работу, но живописец не видал и не слышал его, работал присвистывая. Через несколько времени опустил он левую руку в карман широкого сюртука, вытащил ломоть черствого хлеба, начал грызть его, не прерывая работы, и только по временам сдувая хлебные крошки, сыпавшиеся на бумагу. Сам он мог бы служить прекрасным образцом для живописца: в глазах блистало вдохновение, на устах изображалась улыбка; иногда являлось на них выражение боязни и недоумения, но и эта тень исчезала пред лучом, излетающим из глаз.

Наш мечтатель глядел на него с участием и удовольствием: лицо артиста казалось ему знакомым; он где-то видал эти глаза, этот рот - но давно, очень давно. Наконец живописец произ-

нес громко: "Довольно!", посмотрел еще раз на озеро, потом на свою работу, вздохнул, свернул бумагу и весь прибор, встал и хотел идти. Вдруг увидел он князя:

- Ах, ваше сиятельство! Вы изволили быть здесь - извините-с..., не заметил. Виноват, кругом виноват, а я так заработался.

- Пойдемте к нашему больному, - сказал Кемский, - он, чай, уж давно встал.

- Как прикажете-с... в самом деле-с... - отвечал Бериллов, кланяясь, и они пошли обратно на гору, в постоянный дом. Вышатины и Хвалынского застали они за чаем.

Первым предметом разговора их было воспоминание о приятном вечере накануне.

- Скажи, пожалуйста, Вышатины, - спросил князь, - кто этот Петр Антонович Алимари? Этот человек очень меня интересует.

- Право, не знаю, - отвечал Вышатины, - он появился здесь за неделю пред сим, остановился у пономаря, ходил с флейтою в кармане по горам и по болотам, собирал редкие растения; узнав, что я лежу здесь больной, один, и скучаю - он посетил меня как соседа. Нога моя в то время жестоко болела. Алимари, случась однажды при перевязке, доказал лекарю, что он не так меня лечит, советовал бросить все его мази; сам нарвал в болоте каких-то трав, сделал из них припарку и приложил к больной ноге. На другой же день я почувствовал облегчение, и с тех пор нога стала приметно поправляться. Вчера переменял он травы и сказал, что дня через три можно будет выйти и отправиться в город.

- Стало, он врач! - сказал Хвалынский.

- И я то же думал, - отвечал Вышатины, - но он объявил мне, что никогда врачом не был, а занимается исследованием природы из любви к наукам и имеет несколько важных, но простых рецептов, собранных им на путешествиях по всем странам света. По прозвищу своему он италиянец, но, кажется мне, родился в России. Впрочем, мне совестно было допытываться подробнее. Довольно того, что он человек добрый, умный и образованный.

- И знаток в художествах, - прибавил Бериллов, - я видел у него картину, мадонну Карлина Дольче: он возит ее с собою не в раме, а в деревянном ящичке - редкая вещь! Он глядит на нее по часам и плачет - так сказывала мне служанка пономаря. Конечно, он и сам художник, когда так хорошо понимает и чувствует искусство.

- Может быть, - сказал Вышатины, - но в нем всего для меня приятнее нрав его, кроткий, ровный, любезный. Он иногда бывает в необходимости противоречить другим и делает это с большою пощадою и скромностью. Однажды только, в продолжение дней десяти нашего знакомства, заметил я необыкновенное в нем волнение. Мы беседовали о здешней северной природе, о чудесных ее гранитах, о прекрасных озерах, о живописных видах. Пастор заметил мимоходом, что, по мнению некоторых геологов, Финляндия получила настоящий свой вид от землетрясения. При этом слове Алимари побледнел и задрожал. Мы испугались, спрашивали, что с ним сделалось, здоров ли он; он отвечал, что это ничего не значит, и вскоре оправился. С тех пор мы стали в беседах наших избегать этого предмета, и он о том никогда не заговаривал.

В это время вошел в комнату камердинер Вышатины и подал ему записку, полученную от Алимари: он извинялся, что не может прийти по приглашению к обеду, и уведомлял, что должен ехать в город, где присутствие его необходимо; советовал Вышатины продолжать употребление прежних средств и предсказывал скорое исцеление. В заключение записки благодарил он за приятные вечера, проведенные в дружеской беседе, и просил поклониться друзьям. Эта записка всех привела в уныние, потому что все ждали Алимари, все горели нетерпением насладиться его беседою.

- Жаль, - сказал Вышатины почти сквозь слезы, - жаль! Я так свыкся с этим почтенным старцем, что не знаю, как проведу здесь еще несколько дней моего карантина. Впрочем, мне гораздо легче, и сегодня еще еду в город. Барометр падает, как говорил мне пастор, и мне не хотелось бы погрязнуть в финских болотах. Другое дело, если б здесь был мой почтенный Алимари, мой мудрец, Сократ.

- Только этот Сократ, - примолвил Хвалынский, - слишком легковверен и наполнен предрассудками: верит в домовых, в чертей, в ворожей.

- А настоящий-то Сократ, - прервал с досадою речь его Кемский, - разве не верил своему демону, разве не советовался с ним? Сократ таким же образом жил посреди софистов, отвергавших все по расчетам своего слабого рассудка, и учил людей тому, что внушало ему сердце и созерцание природы. Сократ не отвергал богов своего отечества, но умел отличить божество от истукана.

- Вот таков и Алимари! - вскричал Вышатины. - Я не думаю, чтоб он верил всем преданиям римской церкви, но он не сядет за стол, не перекрестясь. Никогда не вырывалось у него ни малейшего замечания насчет святости религии, и, когда, бывало, мы с пастором станем посмеиваться над папою, он нам не противоречит, а молчит, улыбаясь. Нет, друзья! Такие люди, как он, редки в этом свете. И если вы меня любите, то перестанете остриться и делать замечания на его счет. Пусть вы будете и правы, но мне, признаюсь, больно слышать о нем что-либо кроме

хорошего. Эй, Федька! Подай шампанского! Выпьем за здоровье моего исцелителя, а потом кое-как поплетемся на зимние квартиры.

Все исполнено было по диспозиции. Выштин угостил в последний раз доброго пастора, уселся в карете с художником и отправился в Петербург. Кемский и Хвалынский последовали за ними. Во всю дорогу молчание прерывалось только короткими фразами. Кемский был погружен в глубокую думу.

XII

Новый мир открылся пред нашим мечтателем. Дотоле не удавалось ему найти человека, который мог бы, постигая его, разделять с ним его впечатления и ощущения и, превосходя его умом, познаниями и опытностью, объяснять ему то, что в жизни и в свете казалось ему непонятным. Товарищи не могли удовлетворить беспокойному любопытству Кемского: одни из них его не понимали, другие над ним смеялись. Хвалынский с участием слушал его рассказы, но не разделял его ощущений и мыслей: наслаждаясь настоящим, он забывал будущее и не думал о прошедшем. Выштин был человек умный, образованный, но светский и слишком напитанный тем, что в то время называлось философиею. Кемский искал пищи у записных ученых, но и там не находил ничего. Один был просто профессор или, лучше сказать, педант, произведенный из немцев в надворные советники и получавший тысячу рублей в год за то, чтоб два часа в неделю читать кое-что по тетрадке, списанной с печатной книги; другой - на вопросы пламенного юноши отвечал исчислением книг, в которых можно найти удовлетворительное разрешение и которых он сам не читал за недосугом; третий - старался объяснить бытие мира сравнением его с деревянными часами; четвертый отвечал глубоким вздохом и текстом из Библии. Все прочие единогласно приписывали мечтания и видения обманам чувств или козням шалунов, а предчувствия называли случайностью или последствием несварения желудка. Явился человек умный, просвещенный, добродушный, способный рассеять сомнения юного искателя истины, готовый его просветить, наставить и успокоить, но он явился и исчез, как мечтание утреннее, как те лица, которые нам представляются иногда в сновидениях: человек нам знакомый, близкий, любезный, мы его помним, знаем, радуемся, что с ним свиделись, но, проснувшись, убеждаемся, что он дотоле существовал только в глубине души нашей; может быть, перенесен был ею из другого мира, в котором она обитала до переселения в нынешнее свое жилище?

Тщетно искал Кемский нового своего знакомца. Никто из всех приятелей молодого человека не знал его. Все расспросы и поиски были напрасны. Бедный мечтатель походил на странствующего рыцаря, ищущего пропадшей Дульцинеи. Однажды случай польстил ему надеждою, но ненадолго. Он был в италийском театре. Играли любимую его оперу, *Il matrimonio segreto*. Музыка слушал он внимательно, но при речитативах посматривал в ложу первого яруса, занимаемую его сестрицею. Иван Егорович сидел, вытянувшись в струнку, на второй скамейке, бессмысленно глазел на театр, не понимая ни слов, ни музыки, и только при звуках барабана скромною улыбкою изъявлял удовольствие. На первой скамейке справа рисовалась Алевтина, а налево сидела Наталья Васильевна. Любя страстно музыку и сама играя прекрасно на фортепиано, она прикована была к сцене глазами, слухом и душою; не видела ненавистного ей Кемского, не знала даже, что он в театре, и в полной мере наслаждалась прелестною гармониею. На прекрасном лице, в выразительных глазах ее отсвечивалось душевное удовольствие. Кемский был в третьем небе: пред ним оживилась мраморная Галатея. Кончился акт; все сидевшие в креслах встали, но он сидел, боясь появлением своим смутить и разочаровать строгую Наташу. Лорнет Алевтины производил между тем инспекторский смотр по всей зале. Вот один из соседей его заговорил с кем-то в партере.

- Каково? - спросил он по-италийски.

- Прелестно, - отвечали ему, - сегодня я дома.

Кемский вздрогнул: это был голос Алимари. Он привстал, оборотился к партеру, но за толпою не мог его увидеть; бросился опрометью из кресел, пробрался в партер, искал, искал - Алимари не было.

- Не выходил ли из партера высокий, худощавый господин? - спросил он у капельдинера.

- Не могу доложить, - отвечал он, - мало ли кто выходит в антракте!

Кемский воротился на свое место в досаде и печали.

- Позвольте узнать, - спросил он наконец у соседа, разговаривавшего с Алимари, - с кем вы говорили в партере в начале антракта?

- С господином Алимари, - отвечал тот.

- Скажите мне, пожалуйста, коротко ли вы его знаете? Нельзя ли сказать мне, где можно его найти?

- Этим не могу я вам служить, - отвечал незнакомец. - Я служу в конторе банкира барона Ралля; у нас открыт одним венецианским домом кредит на имя господина Алимари. Он иногда приходит к нам и получает деньги. Мы с ним кланяемся на улицах и разговариваем о погоде.

- В известные ли сроки он к вам приходит? - спросил Кемский.

- Нет, как случится: иногда мы его не видим по полугоду.

- Не можете ли вы мне сделать одолжения, - спросил Кемский, - когда к вам явится Алимари, узнать, где он живет, и сообщить об этом мне. Вот мой адрес. Я имею крайнюю надобность с ним видаться!

- Охотно! - сказал молодой человек, взяв адрес, наскоро написанный карандашом на визитной карточке. Заиграла музыка, и начался второй акт.

Кемский не видал и не слышал ничего, что происходило на сцене: беспрестанно смотрел на прелестную Наташу и размышлял о таинственном Алимари. Вдруг заметил он какое-то беспокойство в чертах лица и в движениях Наташи. Она стала повертываться во все стороны, бросив взгляд на кресла, увидела Кемского и вздрогнула. Сперва бледная, потом алая краска пробежала по лицу ее, но вскоре оно опять приняло обыкновенное свое выражение. Наташа обратилась к сцене и не спускала с нее глаз. Кемский, увидев, что его заметили, перестал смотреть на нее, глубоко вздохнул и обратил глаза в другую сторону зала. При выходе из театра сказал он своему соседу:

- Мне странно и удивительно, что вы не познакомились короче с господином Алимари, имея к тому случай. Он человек необыкновенно интересный: умный, образованный.

- Верю, - отвечал молодой человек, - но нам в банкирских конторах некогда беседовать с приходящими. Беда, если завидит наш строгий принципал, что мы оставляем работу! Однажды только, когда Алимари пришел за деньгами и кассира не случилось в конторе, сам барон приказал мне занять незнакомца разговором, и я побеседовал с ним несколько времени. Он действительно человек умный, любезный, но - извините - странный. Вообразите, он верит магнетизму, этой дерзкой выдумке шарлатанства и корыстолюбия; ездил во Францию именно для того, чтоб видеть на самом деле явления этой небывалой и невозможной силы, и чуть было не вызвал на дуэль некоторых членов Парижской Академии Наук, доказывавших лживость и нелепость учения Месмерова. На возражения и насмешки мои он отвечал скромно и учтиво и предложил мне испытать над самим собою эту силу, которая непреодолимо подчиняет одного человека душевному влиянию и воле другого.

- И вы испытали ее?

- Нет! Мне не до того, да и кто станет заниматься этим вздором!

- Нельзя ли, - продолжал Кемский с выражением возрастающего любопытства, - сообщить это средство мне?

- Охотно, - отвечал молодой человек, - Алимари утверждал, что можно одною волею принудить человека, который на вас не смотрит, оглянуться и отвечать вам взором. Он утверждает, что для этого должно только смотреть на человека несколько секунд пристально, хотя бы с тылу, и думать о нем исключительно. Не вздор ли это? Ах, извините: вот мои дрожки, прощайте, до свидания.

Молодой человек скрылся из сеней театральных. Кемский вспомнил о нынешнем вечере, вспомнил о Наташе, как она невольно почувствовала действие его одушевленных взоров и принуждена была взглянуть на него. "Если магнетизм действует на эту холодную и равнодушную женщину, - думал он, - чего ж он не произведет в душе пламенной, отверзтой впечатлениям пылких страстей!"

XIII

Мечтания и сновидения Кемского прервались великими происшествиями в мире существовавшем. Скончалась Екатерина II, и со вступлением на престол императора Павла Петровича началась новая эра для службы, особенно военной. Многие товарищи нашего князя жаловались на строгость и взыскательность новых начальников, на трудность и беспокойство строгого порядка, на неприятную им форму новых мундиров и прически и едва не со слезами смотрели на прелестные свои фраки, произведения бессмертного Кроля, с которыми должно было расстаться навеки. Кемскому эти перемены были не только сносны, но и приятны. Деятельная служба заняла все минуты его жизни: он перестал тосковать, реже мучился мечтаниями и после ученья, продолжавшегося несколько часов, после суточного караула, в котором уже нельзя было, по-прежнему, спать всю ночь на пуховиках, наслаждался крепким и здоровым сном. Единообразная воинская одежда также была ему по нраву: он не любил наряжаться, не терпел перемен по прихотям моды и был в этом отношении жертвою своего портного, сапожника и камердинера, которые иногда отставали на целый месяц от моды и подвергали светского юношу замечаниям и насмешкам досужих товарищей. Но теперь он имел время и возможность привыкнуть к своей

одежде, а она могла прильнуть к нему и сделаться его собственностью; до того же времени ему казалось, что он всегда ходит в чужом платье. Исправность его, прилежание к службе и неутомимость вскоре были замечены начальниками: его перевели в гвардию, к душевному огорчению Алевтины, излившимся в высокопарных поздравлениях.

В самый тот день, когда отдано было в приказе о его перемещении, лишь только он успел примерить свой новый мундир, получил он записку о том, что наряжен в ночной караул в Зимнем дворце, при печальной комиссии. К одиннадцати часам вечера отправился он туда со своим отрядом, под начальством гвардии капитана. Его самого отрядили к телу покойной императрицы. Все это сделалось так поспешно и неожиданно, что он опомнился не прежде, как в самой траурной комнате. Там картина торжественная, преисполненная невыразимого величия, представилась глазам его. Посреди огромной залы, обитой черным сукном, увидел он великую императрицу, на парадной постеле, в царском облачении, безгласную и бездыханную. Дым свеч носился над нею как облако. Дежурные кавалеры и дамы стояли в безмолвии вокруг смертного одра величия земного; тихие звуки утешения небесного слышались из уст протодиакона, читавшего Евангелие.

Кемский, взирая на божественные черты усопшей, погрузился в глубокое уныние. Било двенадцать. Некоторые из дежурных удалились в другие покои; прочие сели на стульях, стоявших вдоль стен траурной залы. Голос чтеца ослабевал. Свечи тускли. Вдруг растворились двери из другой комнаты: человек высокого роста в глубоком трауре в предшествии придворного служителя вошел в залу тихими шагами, приблизился к эстраде, перекрестился по-католически, преклонил колено, тихо произнес: "Екатерина!" и заплакал. Через несколько минут безмолвной молитвы он встал, обернулся; взоры Кемского остановились на нем; это был Алимари. Он узнал князя, подошел к нему и с горестным безмолвным приветствием пожал ему руку.

- И вы пришли проститься с прахом нашей великой Екатерины! - сказал Кемский.

- Вашей? - тихо возразил Алимари. - Вашей? Она принадлежит всему роду человеческому, не одной России. И я, не русский по происхождению, был ее вернейшим подданным: я был свидетелем прибытия государыни в Россию, имел случай видеть ее занятия науками и изучением России, я стоял на крыльце Зимнего дворца в ту минуту, как она вступала в царское жилище, в день восшествия своего на престол, видел ее потом и на блистательных каруселях, и в торжественных шествиях; неоднократно смотрел издали, как она прогуливалась по царскосельским аллеям, в глубоком размышлении о славе и величии своего народа; я слышал в течение тридцати четырех лет и громовые звуки побед ее, и тихие благословения, возносившиеся за нее из мирных хижин к престолу предвечного. Знаете ли вы, что есть государь, и государь великий, добрый, правосудный? Недаром облачаем мы его земным блеском и величием в сей жизни и сами, подданные, восхищаемся и гордимся этим блеском, этим величием! Вообразите себе: миллионы существ, одаренных чувством и душою бессмертною, живут в мире под кровом и защитою одного из земнородных, а этот земнородный есть государь их. Вообразите, что спокойствие, благоденствие, душевное достоинство сих миллионов зиждется волею и трудами государя; вообразите, что из подвигов этого государя истекает счастье или несчастье миллионов людей, еще неродившихся, - и после этого рассудите, с каким благоговением должны мы приближаться к смертному одру тех из сих государей, которые свято исполнили долг свой на земли и теперь, пред троном Вседержителя, дают отчет в своих делах, помыслах и чувствованиях.

- И для чего они не бессмертны? - с унынием сказал Кемский.

- Для того, что должны управлять смертными! - отвечал Алимари. - Неужели вы думаете, что ангел бессмертный и бесплотный мог бы жить и действовать посреди людей, волнуемых страстями и пороками? Сверх того, всякий человек, и самый великий, есть произведение своего века. Век Екатерины миновал, и дух ее оставил земную оболочку. Век новый наступает, век чуждый той, которая была превосходнейшим созданием своего века; но память Екатерины пребудет священной потомкам, и при звуках новой славы раздаваться будут в великих воспоминаниях отголоски дней Кагула и Чесмы, и новые законы будут опираться на премудрые уставы великой законодательницы, и грядущие поэты с умилением будут повторять гимны певцов Екатерины!

Вы молоды и увидите будущее поколение. Великие судьбы ожидают Россию в грозных бурях, которые собираются на западе; блистательная слава озарит ваше отечество, но внуки ваши с жадностью будут внимать повествованиям деда о днях минувших, о днях Екатерины. Скажите им, что вы знали республиканца, который четыре раза искал крова и защиты под скипетром самодержавной императрицы и на хладных берегах гостеприимной Невы проклинал свободу цветущей Венеции.

Алимари вновь подошел к эстраде, преклонил колено, перекрестился, встал и вышел из комнаты. Кемский в сии торжественные минуты не мог думать ни о чем, кроме того, что представлялось глазам его. Он еще раз упустил случай узнать, где можно найти ему Алимари, и в

этот раз не мог даже упрекать себя в оплошности. Прежняя тишина водворилась в зале. Ночь прошла для Кемского в глубоких размышлениях...

В первых месяцах следующего года поездка в полуденные губернии по делам службы доставила ему приятное развлечение. Он послан был с какими-то важными бумагами в новороссийский край и встретил весну на берегу Черного моря, в рождавшейся тогда Одессе. Там нашел он несколько товарищей корпусных, а в начальнике - друга своего покойного отца и провел время самым усладительным для своего сердца образом. Между тем какая-то непонятная сила влекла его домой: он никого в Петербурге не любил, что называется любить, а не мог вспомнить о северной столице без сердечного волнения, не мог остановить на ней мыслей, не почувствовав в глубине души своей какого-то непостижимого влечения. Неожиданно явился в Одессе и Хвальнский: он ездил с поручением в Херсонскую губернию и завернул в Одессу, чтоб возвратиться в Петербург в обществе милого своего друга. Кемский искренне обрадовался товарищу и сообщил ему, с каким нетерпением ждет минуты отъезда: теплое дыхание полудня сделалось ему несносным; он горел мыслию воротиться на холодный север.

- Что это за магнитный полюс, к которому стрелка твоего сердца неизменно обращается? - с улыбкою спрашивал Хвальнский.

- Сам не знаю, - отвечал Кемский, - но мне здесь скучно, тяжело, грустно. Поедем, ради Бога, поедем!

Желание его вскоре исполнилось. Друзья оставили Одессу и помчались в Петербург.

В одном жидовском местечке, в Белоруссии, принуждены они были остановиться на ночь в корчме для починки экипажа. Им отвели место за перегородкою. Утомленные продолжительною ездою, они оба заснули на свежей соломе, но около полуночи какое-то страшное сновидение разбудило Кемского. Опамятовавшись совершенно, он слышит за перегородкою разговоры и хохот. Прислушивается: старуха жидовка ворожит солдатам на картах, предсказывает одному генеральский чин, другому отставку, третьему молодую жену. Служивые смеются и шутят друг над другом.

- Полно слушать ее, - говорит один голос, - все пустяки врет! Ну как ей, старой хрычовке, знать, что нашему брату на роду написано! Пойдем домой! Пусть новобранцев морочит.

- Нет, Спиридонов, - говорит другой голос, - не шути этим. Сам бес у ней под языком! Добро бы она толковала о будущем, а не прошедшее, как по пальцам, рассчитывает. Мне все рассказала: как меня в солдаты отдали, как под шведом ранили, как в Польше чуть было в полон не взяли - эка притча! Ну-ка, старая ведьма! Вот тебе еще гривняга: скажи, скоро ли мне достанется в ундера!

Водворилось молчание. Потом послышался хриплый шепот и раздался громкий смех. Разговоры, шутки, хохот продолжались несколько времени. Наконец один из солдат напомнил, что пора отправиться по квартирам и схрапнуть до завтрашнего похода. Совет его подействовал. Мало-помалу шум уменьшался, и чрез несколько времени водворилась в корчме совершенная тишина, прерываемая слабым кашлем старухи.

Кемский между тем встал, надел сюртук и вышел из-за перегородки. В большой избе, едва освещаемой сальным огарком, сидела в углу, за столом, грязная старуха в ветхом жидовском костюме и собирала разложенные по столу, салом и пылью напитанные, частым употреблением закругленные по углам карты. Кемский подошел к ней, бросил на стол серебряный рубль и сказал:

- Бабушка! Погадай мне, где ожидает меня счастье.

Старушка взглянула на него, протасовала карты, дала ему снять левою рукою, вскрыла пиковую семерку и тихим голосом сказала:

- В гробу!

XIV

С.-Петербург, 1798 г.

Время улетало на крыльях своих, свинцовых для несчастных, воздушных для счастливых. Алевтина сочеталась законным браком с Иваном Егоровичем и в течение нескольких месяцев, при помощи друзей, благотворителей, визитов и обедов, успела вывести его в подполковники. Он был определен в смотрители при построении разных казенных зданий. Должно сказать, что сам он не пользовался ни копейкою: с утра до ночи ходил по лесам, смотрел за сохранностью материалов, за прочностью работ; но архитекторы наживались, подрядчики толпами являлись к торгам и перебивали друг у друга работу. Начальник случайно в это самое время строил дачу; к нему беспрекословно отпускаемы были материалы и работники. По счетам архитекторов и поставщиков плата производилась неукоснительно. А отчеты? А ведомости? Это сводил у него человек опытный, необыкновенный в сих делах искусник. Иван Егорович нашел этот клад по следующему случаю.

В начале службы своей послан он был в Симбирскую губернию для привода рекрутской партии: получил прогонные деньги, сумму на расходы, инструкцию и шнуговую книгу и отправился по назначению. Нельзя было действовать исправнее, осторожнее, совестнее Ивана Егоровича: за всякую казенную копейку торговался он до драки; все сбереженные суммы показывал в приходе по чистой совести; при каждой передаче подробно исчислял причины, по каким должен был произвести ее. Таким образом, сберег он в пользу казны с лишком треть данных ему денег и заранее восхищался мыслию, с каким торжеством представит свою экономию начальству. На последнем переходе под Петербургом сошел он с товарищем, который вел другую партию, из Смоленска. За чаем разговорились они о своих делах по службе.

"Скажи, сделай одолжение, Сайдаков, - спросил фон Драк у товарища, - сколько у тебя осталось из отпущенных тебе денег?" - "Сколько осталось? Право, не знаю. Эй, Зверобоев! Сколько бишь у нас в остатке?" - "Ничего не осталось, - отвечал сержант, - и своих ваше благородие изволили потратить". - "Придется еще искать на Военной Коллегии", - сказал Сайдаков. - "Помилуй, друг мой! - возразил фон Драк с трепетом. - Куда это ты девал все деньги? Покажи мне, пожалуйста, шнуговую книгу". - "Изволь, любезный! Эй, Зверобоев! Поддай книгу". Зверобоев подал. Фон Драк раскрыл ее, перевернул несколько листов и побледнел: "Несчастный, ты пропал! Книга белая!" - "Знаю, - отвечал Сайдаков, смеючись. - Смотри, Зверобоев! Завтра, когда придем в Петербург, приведи ко мне писаря - того, разумеешь?" - "Слушаю, ваше благородие!" Фон Драк не мог уснуть, помышляя о беде, ожидающей беспечного Сайдакова. На другой день товарищи пришли в город и остановились на одной квартире.

Фон Драк встал в пять часов и занялся окончанием счетов; вывел все расходы, поверил итоги, перечел остальные деньги и с торжеством подписал рапорт. Сайдаков проснулся в одиннадцать часов и сел за чай. Денщик докладывает: "Пришел писарь из Военной Коллегии". - "Зови скота!" Вошла гнусная, красноносая фигурка в засаленном фраке и сером галстуке. "Здорово, Тряпицын! Я привел партию; мне еще следует получить сто двадцать пять рублей". - "Слушаю, ваше благородие!" - "Вот тебе книга и вот пять рублей, когда кончишь, дам еще синенькую". - "Покорнейше благодарим, ваше благородие, будет исправлено". - "При этом случае, - сказал Сайдаков, обращаясь к фон Драку, - ты можешь отправить свои счета в Коллегию. Тряпицын их доставит". - "С нашим удовольствием", - пробормотал Тряпицын. "Нет, Сайдаков! - отвечал Иван Егорович с боязливою важностью. - Я должен сам иметь честь представить отчеты - это долг службы". - "Это пустое, ваше благородие, - возразил Тряпицын. - Поручите нам, все исправим. Ей-ей, довольны будете!" - "Нет, братец! - отвечал фон Драк. - Я знаю долг службы. Сам представлю". - "Как изволите!" - сказал Тряпицын с усмешкою и отправился.

Фон Драк представил свои отчеты и остальные деньги и чрез две недели явился в Коллегию за квитанциею. В прихожей встретил он Сайдакова. "Ну что, как сошло?" - спросил фон Драк с состраданием. "Прекрасно! Мне доплатили передержку; вот приказ казначею выдать деньги. Приходи завтра обедать. Разговеемся после похода!"

Фон Драк поблагодарил и отправился в присутствие. "Куда изволите идти?" - важно спрашивает его Тряпицын, сидящий посреди запачканной братии в канцелярии. "Куда? В присутствие за квитанциею". - "Извольте погодить, ваше благородие! Есть начетец, есть неисправности, передержки против справочных цен, незаконные выдачи, неверные итоги. Надобно поисправить!" Фон Драк остолбенел. "Помилуй, братец! Я вел самый исправный счет! У меня в остатке значительная сумма". - "Точно так-с; но если б изволили соблюдать казенный интерес по предписанным формам, то осталось бы, конечно, вдвое более". - "Да как это? Сайдакову дали квитанцию, а он передержал сверх денег, выданных ему от казны". - "Точно так-с; да они представили на все законные объяснения и доказательства. Начальство справедливо: оно выдает и передержку, если таковая учинена не в противность существующим постановлениям. Известно вам премудрое изречение государя императора Петра Великого: "Вотще законы писать, если по ним не исполнять".

Фон Драк был в отчаянии, отправился с жалобою в присутствие и получил в ответ, что ревизия отчетов поручена столу коллежского регистратора Тряпицына и что он там должен ждать решения, которое в свое время будет рассмотрено и утверждено или отринуто присутствием. Фон Драк решился выждать окончание дела, являлся каждый день в канцелярию, но каждый день Тряпицын находил в его книге новые неисправности и заготовлял запросы в земские суды уездов, лежащих на пути из Симбирска. Терпение несчастного просителя истощилось: чрез месяц решил он искать *приватно* покровительства Тряпицына и в ужасную осеннюю погоду, в пять часов утра, отправился к нему на квартиру, на Козьем Болоте. Тряпицын встретил его в раздранном плаще и ввел в освещенную сальным огарком грязную комнату, в которой пахло и дегтем, и салом, и гнилью. Фон Драк не знал, с чего начать, но Тряпицын сам помог ему.

"Мне жаль, ваше благородие, что вы изволите так часто трудиться ходить в канцелярию: не угодно ли вам поручить мне окончание сего дела, и я ручаюсь вам, что через неделю все улажу

к вашему удовольствию и к соблюдению казенного интереса. Извольте видеть, для сего должно мне будет просиживать ночи; так я надеюсь, что ваше благородие за экстренные труды не оставите меня должным вознаграждением. Верьте Богу, жалованья беру в год шестьдесят рублей". Фон Драк вынул из кармана пятирублевую ассигнацию и положил на стол. "Извольте видеть-с, - продолжал Тряпицын, - для его благородия, Семена Егоровича господина Сайдакова, можно было в скором времени исправить; его дело было чистое - садись, пиши да и только; а в этом деле, извольте видеть, должно сперва поправить, а потом сделать должное по законам. Двойная работа, ваше благородие!" Фон Драк вздохнул тяжело, вынул из кармана другую синюю ассигнацию.

- Вижу, - сказал Тряпицын, - что вы человек добрый, только жаль, неопытны в службе по счетной части и несведущи в существующих законах. Рад помочь вам от души. Пожалуйте дня через три в канцелярию, и все найдете в порядке". - "Как чрез три дня? - спросил фон Драк, - да успеешь ли?" - "И! Ваше благородие! Не беспокойтесь, мы люди деловые: все сладим к вашему удовольствию. Дело ваше у меня на дому - извольте видеть, вот оно-с. Я тотчас им займусь". Фон Драк откланялся. Тряпицын, провожая его в сени, отпер дверь в кухню и закричал: "Денисьевна! Растопи-ка сальца горшочек, да поскорее".

"Это что? - подумал фон Драк, вышед на улицу, - неужели Тряпицын питается салом?" Он остановился у домика, пред окном комнаты дельца, которого очень хорошо видел сквозь дырявую занавеску, и с любопытством смотрел, что будет. Тряпицын действительно занялся его делом: взял кипку бумаг, перевернул листочки один за другим; вынул приложенные к рапорту деньги и спрятал их в столик. Хромая Денисьевна принесла горшок с растопленным салом. Тряпицын окунул в него все дело и, положив засаленные почти доверху листы на пол, сел за стол и начал что-то писать. Фон Драк отправился домой, ломая голову над тем, что бы значила эта операция. Чрез три дня является он в канцелярию. Тряпицын кланяется ему сухо, как чужому человеку, и чрез несколько времени обращается к столоначальнику: "Егор Кузьмич! Сделайте божескую милость, убедите господина эскутера завести кота в канцелярии. От крыс житья нет. Вот еще одно дело съели". - С этими словами вытаскивает он из-под стола заголовки бумаг и счетов фон Драка: вся нижняя часть действительно съедена была крысами по то место, до которого Тряпицын опустил бумагу в сало. "Неужели?" - спросил столоначальник. "Действительно так-с, извольте сами посмотреть". Столоначальник подошел: "В самом деле! Да как они, проклятые, грызут узорчато! Нешто! Надобно завести кота!" - "Это напредки-с, - сказал Тряпицын, - а сие дело пропало. Следует, за утратою документов, предать оное забвению и господину поручику выдать квитанцию". - "А остальные деньги, оставшиеся в экономии?" - спросил жалобно фон Драк. "Деньги-с? Какие деньги-с?" - "Да те, которые я представил при рапорте!" - "Съедены крысами-с. Что делать? И казенный интерес иногда в экстренностях пропадает. Впрочем, если вашему благородию угодно, мы выведем справки, послав запросы в те присутственные места и начальства, с коими вы по помянутому приводу рекрутской партии изволили находиться в сношениях. Это скоро сделаем. Месяцев в восемь". - "Нет, ради Бога нет! - вскричал фон Драк. - Дайте мне только квитанцию". - "Как угодно, - отвечал Тряпицын, - извольте повременить!" Чрез час квитанция была фон Драку выдана, и он за десять рублей получил урок, каким образом надлежит действовать в делах для сохранения казенного интереса.

Вступив в новую должность по счетной и письменной части, он сначала пришел было в отчаяние: товарищи поздравляли его с *хлебным* местом, а он не знал, как поживиться и на *соль*, и при представлении отчета за первый месяц принужден был дополнить недоимку своими деньгами.

Тогда вспомнил он о Тряпицыне, пригласил его к себе, приласкал и предложил ему место секретаря, бухгалтера и казначея. Догадливый рачитель казенного интереса охотно согласился на это предложение, определился под начальство фон Драка и вскоре освободил его от всех забот: фон Драк поутру подписывал бумаги, заготовленные Тряпицыным, будучи уверен, что не нужно читать их предварительно, потом ходил на строения и занимался механизмом работы, который был ему довольно хорошо известен. Дела пошли своим порядком: сметы, книги, ведомости, отчеты ведены были с величайшею исправностию, и все происходило на законном основании. Для текущей переписки Тряпицын приискал изгнанного из академии за дурное поведение семинариста: этот сочинял бумаги, а Тряпицын исправлял их по надлежащей форме.

Слог и законность бумаг канцелярии фон Драка сделались известными в приказносчетном свете.

Но не одной суетной славы домогался Тряпицын: он любил существенность. Из скудного жалованья своего сберег он, при благоразумной экономии, столько, что построил домик на Новых местах и стал приторговывать деревеньку. Он бы окончательно купил ее, да малый чин не позволял ему совершить крепость на свое имя. Сверх того, скорое благоприобретение могло бы возбудить зависть, толки и клевету неблагонамеренных: итак, он решился подождать удобнейшего случая. И медвежья наружность Тряпицына мало-помалу преобразилась. Алевтина

Михайловна ахнула, увидев этого запачканного уroda в кабинете своего мужа, и стала было требовать, чтобы его не пускали на двор, но вскоре смирилась доводами и увещаниями фон Драка: он представил ей Тряпицына человеком единственным и необходимым для устройства дел по службе и по фамилии. И сам Тряпицын смотрел, что бессмертной душе его надлежит на новой планете переселиться в другое тело. Он стал бриться по два раза в неделю и так же часто переменять косынку и манжеты; пудра и помада сменили сальце с мучкою; пучок его превратился в благообразную косу; насаленные виски свились регулярными пуклями; кафтан и нижнее платье бирюзового цвета, а в праздничные дни губернский мундир с бархатным воротником и обшлагами заменили казавшийся бессмертным сюртук его. Табачная лавочка у Синего Мосту лишилась в нем постоянного покупателя: он нюхал табак рульный, а потом и настоящий французский, уже не из скромной тавлинки или ветхой бумажной табакерки с изображением турецкого султана, а из серебряной, и по высоким праздникам - из золотой.

Нельзя было переменить гнусной фигуры и подлого лица, но и на это нашлось средство: остались вещи, но возвысились имена, и этого довольно. Грубость его стали называть строгою честностью, дерзость и бесстыдство - откровенностью, каверзы и крючки - усердием к службе, уважением к законам и знанием дела. Одаренный природною сметливостью, сын порховского целовальника не замедлил догадаться, чего ему недоставало: он не вмешивался ни в какие разговоры и суждения, которых предмет превосходил его понятия, а заметив в споре двух других лиц слабую сторону, приставал к сильнейшей и значительною улыбкою давал знать, что понимает дело и судит о нем, как люди умные и просвещенные, но по скромности ли своей или же потому, что почитает такой предмет недостойным своего внимания, сам в спор не вступает. В то же время возникла в душе его непримиримая ненависть к людям просвещенным и образованным: всяк, кто уже умел говорить по-французски, был природным врагом его. Он скрывал эту ненависть под личиною скромности и покорности, но при первом удобном случае давал чувствовать ее на деле. Привязанность и доверие к нему фон Драка не знали пределов: они усилились еще от того обстоятельства, что начальник, страшась беспокоить грозную супругу, занимал у подчиненного деньги, по заемным письмам, без процентов.

Тряпицын совершенно овладел своим командиром, но не давая ему этого чувствовать и представляясь, будто действует во всем по его приказаниям и распоряжениям. Благосклонность Алевтины была равномерно должною наградою за его труды и усердие. Но Кемский и друг его, Хвальнский, были предметами ненависти и злобы секретаря: пред ними он не мог укрыться - они знали и презирали его. Кемский молчал, но Хвальнский не мог не позабавиться на счет плута и при всяком случае старался уколоть и унижить его пред другими. Однажды за столом разговорились о дороговизне, о том, что ныне трудно жить и т.д., как ведется от Адама и будет до преставления света.

- Всему виною худое хозяйство! - сказал Хвальнский. - Вот у меня, например: доходу до трех тысяч рублей, а я с каждым годом наживаю долги, и отчего? Нет порядку, экономии, расчетливости. А вот, например (указывая на Тряпицына), Яков Лукич! Вы, кажется, берете жалованья рублей четыреста; экипаж у вас преизрядненький; домик построили хоть куда, и тот, как полная чаша; в бостон играете по четвертице, и прочее в соразмерности. А все это оттого, что жить умеете с расчетом, по одежде протягиваете ножки. Наша же братья, так называемые благородные, разоряемся в пух, а живем как нищие. Хоть бы вы меня поучили, почтеннейший, как все из ничего создается. А домик-от ваш я вмиг узнал: у крыльца толпа подрядчиков, и над нижним ярусом вывеска с надписью. *"Здесь бредут и кровь отворяют"*.

Алевтина пылала гневом; фон Драк бледнел; Тряпицын сидел за столом полумертвый. Кемский кашлял, толкал Хвальнского, но тот не унимался. После обеда Алевтина напрямки объявила Кемскому, что не хочет и не может терпеть дерзких людей в своем доме, и поручила ему просить Хвальнского, чтоб он не трудился навещать ее. Кемский хотел было, в сотый раз, защитить и оправдать своего друга, но Алевтина заградила ему уста замечанием, что он, конечно, не захочет в угождение своему приятелю сделать ее несчастною, подвергнув гневу раздраженного мужа.

Несчастною? Гнев мужа? Раздраженный фон Драк? Как сообразить это с обыкновенною кротостью и покорностью Ивана Егоровича? Странно, но действительно так было. Иван Егорович был смирен, кроток, послушен, терпелив, как овца или как знаменитое неутомимостью животное стран полуденных, но только до известной степени. Когда же его выводили из терпения, он впадал в бешенство, становился диким, свирепым зверем, был готов на все. Алевтина раза два испытала на себе действие этого ясновидения и извела опытом ту степень, до которой было позволительно томить, мучить и терзать несчастного супруга; но лишь только он побледнеет и задрожит, она переменяла свое обращение, начинала его ласкать, плакала, называла себя неблагодарною, недостойною такого мужа, ангела и праведника. Иван Егорович приходил в себя, и буря пролетала мимо. Так было и в этом случае. Фон Драк долгое время сносил замечания, насмешки, колкости Хвальнского; но когда сатирик коснулся Тряпицына, его

души и провидения в этом мире, терпение его лопнуло, и он готов был доказать насмешнику свой гнев самым чувствительным и обидным образом. Алевтина, щадя брата, предупредила эту вспышку и упростила князя освободить ее от Хвалынского.

Молодому ветренику крайне досадно было это происшествие: во-первых, он лишился возможности видеть Наташу, прелестную, умную и любезную; во-вторых, оставлял своего друга в когтях его злодеев. В самом деле, с этого времени родственник триумвират мог действовать без опасения, и Тряпицын сделался орудием всех козней против Кемского, предвидя, что, в случае устранения его, будет неограниченным управителем всего имения. Он, как уже сказано, питал к молодому князю сильнейшую ненависть за привязанность его к Хвалынскому, за неуважение его к секретарю и советнику своего зятя и, наконец, не мог ему простить знатной породы, образования и богатства. И когда случалось, что Иван Егорович, в редкие минуты совести и богобоязни, не тотчас соглашался на предложения Тряпицына, клонившиеся ко вреду князя, усердный клевет услаивал сомнения его следующими рассуждениями:

- Помилуйте, ваше высокоблагородие! Что вы это балуете мальчишку! Ведь имение его не благоприобретенное, не стоило ему ни труда, ни забот, и он им владеет без всяких заслуг, не так, как мы, полезные государству люди, каждую копейку приобретаем в поте лица и иногда с крайнею опасностью. Если не вы, так другой расхитит его имущество. Теперь у него в моде друзья и просвещение. Посмотрите, что он раздарил этим повесам, что накупил книг, ландкарт, картин и других бесполезных мелочей! За этим непременно последуют карты, пьянство и тому подобное! Надолго ли тут имения? Оно перейдет в руки ростовщиков, а дети вашей супруги, его племянники, пойдут по миру. Не грешно ли допустить это? Воля ваша, ваше высокоблагородие, а великодушные тут не у места!

Как не согласиться с такими убедительными доводами! Фон Драк с улыбкою отвечал:

- Да, да! Точно так, действительно так! Дока, дока - Тряпицын!

Между тем, по благонамеренному совету секретаря, учтивость, внимание, ласки Алевтины, ее матери и мужа к князю Кемскому еще усилились. Он восхищался их доверенностью, любовью и нежностью и несколько раз думал про себя: "Давно бы Хвалынскому отстать от их дома: они в его отсутствие не имеют никакой причины быть недовольными мною".

Продолжение следует...

Николай Греч.

С.-Петербург. Роман впервые издан в 1834 году.

*Сидящих за твоим столом
Не спеши назвать "друзьями".
Их проверяют не вином,
А горем, помощью, годами.*

*Так как писать умели главным образом мужчины,
- все несчастья на свете были приписаны
женщинам. (С. Джонсон)*

*По пустыне ползут две черепахи.
Он ей: - Ты испортила триста лучших лет моей жизни.*

Никогда никому не завидуй

Никогда никому не завидуй -
Ни деньгам, ни овалу лица, -
За хорошим бывает не видно,
Что скрывают за дверью сердца.

Не завидуй улыбке открытой,
Не сердись сгоряча на судьбу,
Ты не знаешь, как плакал навзрыд он,
Как улыбка досталась ему.

Не завидуй любви, если двое
Вместе за руки взявшись идут,
Неизвестно до этого сколько,
Они горя тащили хомут.

Не завидуй чужому успеху,
Что приходит душить перед сном,
Ты решишь - с ветерком он доехал,
А он шёл этот путь босиком...

Никому никогда не завидуй,
Ослепленный, судить не спеши...
За хорошим бывает не видно
Всё отчаянье чьей-то души.

Инесса Федотовская.

Письма читателей

2-11-2019 Здравствуйте, дорогая Тамара! Рад, что готовите новый выпуск журнала!

...Вчера в Калининграде на встрече с авторами и читателями журнала БЕРЕГА, членом редколлегии которого являюсь, рассказывал о Вашем чудесном журнале и о Вас. Слушали с огромным интересом и восхищением. С пожеланиями доброго здоровья, удачи и благополучия.

Всегда Ваш, **Александр Герасимов** г. Калининград.

17-11-2019 Здравствуйте, уважаемая Тамара Николаевна! Большое спасибо за журнал и за публикацию в нём моего стихотворения. Всего-всего Вам самого доброго! С глубоким уважением и признательностью, **Владимир Колабухин**.

17-11-2019 Дорогая Тамара Николаевна! Огромное спасибо за присланный новый номер журнала "Жемчужина". Он необычный, юбилейный, и я поздравляю Вас, как издателя, редактора, с 20-летием Вашего детища - этого замечательного журнала! Номер очень интересный, особенно привлекли внимание статьи Натальи Гребенюковой, Лидии Довыденко, рассказ Т. Грибановой "Настенины антарикки" и другие публикации. Рада, что журнал вновь выходит. Доброго Вам здоровья и творческой бодрости!

С уважением, **Татьяна Гладких. Д.В.**

19-11-2019 Уважаемая Тамара, добрый вечер! Спасибо огромное за публикацию в столь замечательном журнале! Всегда жду, когда появится новый номер и радуюсь, если моя работа попала в него. И появятся новые читатели, которые находятся далеко от меня, но они очень дороги мне. И поэтому я радуюсь. Спасибо Вам еще раз! Всего самого хорошего Вам! С уважением,

Михаил Смирнов. Башкортан.

18-11-2019 Спасибо, уважаемая Тамара Николаевна, за новый номер "Жемчужины"! Очень симпатичный, теплый, светлый журнал. И спасибо еще раз за публикацию стихотворения "Русский язык" в предыдущем номере! Здоровья и вдохновения!

Сергей Луценко, Павловск, Воронежской обл.

25-11-2019 Здравствуйте, уважаемая Тамара Николаевна! ...Я рад нашему сотрудничеству... Думаю что вы выполняете очень важную миссию по сохранению русского языка и культуры среди русскоязычного населения Австралии. Творческих Вам успехов, вдохновения и побольше всего того чего нельзя купить за деньги - друзей, здоровья, хорошего настроения... Искренне Ваш новый друг и автор,

Сергей Калинин.

5-12-2019 Спешу поделиться своей маленькой радостью! Сегодня в газете Алтайского государственного университета (входит в Топ-100 опорных вузов России) вышло моё интервью ... про публикацию и Жемчужину. Думаю читателям в России будет интересно узнать о Вас, Вашей с подвижнической миссии и журнале. Надеюсь на творческое сотрудничество, как автор и долгую дружбу с Вами и Жемчужиной!

...Извините меня пожалуйста, но на сайте ("Жемчужина" - Т.М.) есть досадная опечатка в разделе новых номеров: "Сайт перестраивается и дополняется" - случайно вместо "Н" напечаталось "Г". Еще раз извините. Возможно вы уже знали об этой опечатке, но я не мог пройти мимо, так как искренне люблю наш Журнал и хочу чтобы он выглядел безупречно. (Уже исправила, большое спасибо - Т.М.) Еще раз спасибо за мой дебют. И примите мои поздравления, о том что как минимум в почти в миллионном городе России теперь знают о Жемчужине и о Вас! И возможно появятся новые читатели журнала. С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш автор и друг,

С. Калинин.

22-11-2019 Ура! Дорогая Тамара Николаевна, сегодня увидел в 76 номере отрывок из своей поэмы. Премного Вам благодарен! Пусть Бог хранит Вас во всех Ваших делах и начинаниях! Мир Вам и Вашим близким! С уважением, **Олег Селедцов.**

27-12-2019 Дорогая Тамара Николаевна! Примите самые искренние и сердечные поздравления с наступающим Новым 2020 годом и Рождеством Христовым!

Новый год - праздник всеми любимый и всеми ожидаемый. Каждый от Нового Года чего-то ждет, надеется и верит во что-то светлое, доброе, чудесное. В канун праздника хочется пожелать Вам удачи, счастья и семейного благополучия, личностного и творческого роста, вдохновения и исполнения заветных желаний. Пусть Новый год ознаменуется новыми достижениями, принесет в Ваш дом благополучие.

С уважением, **Олег Селедцов.**

5-12-2019 Здравствуйте Тамара Николаевна! ...Спасибо Вам за № 76 Жемчужины и примите поздравление: Жемчужине 20 лет - это прекрасно! Журнал объединил многих и многих людей из разных стран. И как хорошо, просто замечательно что Вы решили на страницах журнала почтить память великого русского поэта А.С. Пушкина: 220 лет со дня рождения! "Буря", "Памятник", "Сожжённое письмо", - спасибо Вам, хранительнице русского слова. ... Присоединяюсь к словам автора стихотворения "Прикосновение стиха" Владимира Лебедева - с уважением верой надеждой и любовью! Автору - признательность и пожелание успехов в творчестве.

Очень понравился рассказ "Стекольный мастер" К.Паустовского. Читал первый раз, вспомнил слова А.С.Пушкина: "О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух" (может быть, немного ошибся, простите великодушно пишу по памяти). Я когда ездю к отцу через Владимирскую область, то проезжаю Гусь Хрустальный. К великому сожалению завода уже нет... остались кое какие артели. А какую красоту создавали! У каждого Мастера должна быть заветная мечта - пусть почти несбыточная, пусть всю жизнь мастеру стремится, и если не он, то пусть его ученики создадут то, что задумал Мастер. Спасибо Тамара Николаевна, - не всё мы помним, не всё знаем; напоминайте нам о прекрасных работах русских классиков.

Рассказ - "Настёнины антарики" Татьяны Грибановой прочитал с удовольствием, вспомнил бабушкины сказки и народные былины, что рассказывала в детстве. Автору - спасибо и пожелание успехов в творчестве. Желаю Вам всего доброго и хорошего. С уважением. **Евгений Кульба.**

Благовещенск.

29-12-2019 Тамара, и с к р е н н е приветствую Вас! С Н а с т у п а ю щ и м ! Будьте счастливы в Новом 2020 году! **Валерий Румянцев.**

30-12-2019 Дорогая Тамара Николаевна, сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым годом и Рождеством! Доброго Вам здоровья, счастья, домашнего тепла! Пусть новый год будет для Вас и Ваших близких светлым и радостным!

Ваша **Татьяна Гладких.**

30-12-2019 Дорогая Тамара Николаевна! От всей души поздравляю Вас с наступающими Новогодними праздниками и с Рождеством Христовым! Крепкого здоровья! Пусть исполняются желания и сбываются надежды! Удачи, радости и благополучия! **Сергей Луценко.**

31-12-2019 Мира, здоровья, счастья, любви родных и близких и успехов во всех делах!

Игорь Безрук.

31-12-2019 Дорогая Тамара, со светлыми Новогодними праздниками Вас! Доброго Вам здоровья, Божьих благословений! С теплотой, **Н. Тютюнник.** Украина.

31-12-2019 Уважаемая Тамара Николаевна! Поздравляю Вас с наступающими январскими праздниками - Новым годом и Рождеством Христовым. Желаю сибирского здоровья, кавказского долголетия, неизбывного русского оптимизма в любых жизненных ситуациях и конечно же постоянного творческого настроения. Пусть в Вашей жизни будет больше радости, света и доброты. Разделенные с кем-то, они лишь умножатся. И пусть в Новом году Вас не покидают удача и благополучие. С благо-дарностью за литературное сотрудничество и с почтением, Ваш автор **Фёдор Ошевнев,** Ростов-на-Дону.

31-12-2019 Здравствуйте, Тамара! Спасибо Вам за поздравление. В свою очередь поздравляю Вас с наступающим Новым годом. Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия, счастья, радости, успешной и плодотворной работы, дальнейших творческих достижений и благословения Божьего Вам и Вашим близким.

С теплом, **Евгений Новицкий.** Украина.

31-12-2019 Уважаемая Тамара, здравствуйте! Поздравляю Вас с Новым годом! Желаю, чтобы в этом году Вы успели сделать все, что не успели сделать в прошлом. Чтобы удача шла с Вами в ногу и чтобы счастье никогда не покидало ваш дом. Добра и света, тепла и радости Вам! С Новым годом!

С уважением, **Михаил Смирнов.** Башкортан.

31-12-2019 *Здравствуйте, Тамара! Поздравляю Вас с наступающим Новым 2020-м годом! Желаю наикрепчайшего здоровья, радости жизни, творческого подъема, душевного тепла и света, искренних строк, фейерверка успехов и удач. Что касается итогов творческого года, у меня есть любопытная новость: Российский союз профессиональных литераторов (это еще один союз) объявил меня Поэтом года, по этому случаю здесь мне вручили очень красивую. статуэтку. ... Еще раз светлого Вам года! Искренне Ваш, **Владимир Лебедев.***

**У в а ж а е м ы й
В л а д и м и р !
Поздравляю с
заслуженным
У С П Е Х О М !
Счастья, светлого
вдохновения и
новых свершений!**

Письма читателей

1-1-2020 Здравствуйте, Тамара Николаевна! Позвольте и Вас поздравить с Новым годом и наступающим Рождеством. Желаю Вам преодолеть в этом году все трудности, набраться сил, здоровья, и не переставать нас радовать своим творчеством!

С уважением, **Дмитрий Харито.**

1-1-2020 Дорогая Тамара Николаевна, большое спасибо за поздравление! Примите и мои поздравления, и самые наилучшие, самые душевные Вам пожелания! С глубоким уважением, **Владимир Колабухин.**

1-1-2020 С Новым Годом, Тамара! Пожелаю Вам в Новом Году здоровья и счастья! Чтобы у Вас в Новом году светлых и добрых дней было столько - сколько листков в календаре! Чтобы стихийные бедствия с Божьей помощью прекратились и это вселило бы в сердца людей спокойствие и благодать! Творческих новых успехов Вам, а прекрасному журналу - новых прекрасных работ и новых открытий, авторов! Мира, добра, веры, надежды и любви!

С уважением, **Евгений Кульба.** Благовещенск.

1-1-2020 С Новым годом и грядущим Рождеством Христовым Вас, уважаемая Тамара! Помощи Божией в делах, счастья, радостного настроения!

прот. **Николай Толстиков.**

1-1-2020 Дорогая Тамара! Примите от меня поздравления с наступившим Новым годом и предстоящим Рождеством Христовым! Всего Вам самого наилучшего! Лада и благополучия Вашему семейству! Спасибо Вам огромное за публикацию моих стихотворений! Всегда Ваша - **Татьяна Грибанова.**

1-1-2020 Крепости сил телесных и духовных. Мира и радости Христовых. Помощи Божьей Вам, Тамара, в Новом году. *прот* **Василий Мазур.**

2-1-2020 Дорогая Тамара! С Новым годом и Рождеством Христовым! Всех Вам благ, здоровья крепкого и Божия благословения! **Наталия Рубан,** Хабаровск.

7-1-2020 От всей души поздравляю с Новым Годом и Рождеством Христовым! Счастья, любви и Мира Счастья, удачи, любви, Мира! Христос Рождается!

Иван Нечипорук. ДНР

7-1-2020 С Рождеством Христовым! Мира и любви
Светлана Тишкина, ЛНР.

10-1-2020 Большое Вам спасибо за поздравление! Вас также поздравляю с наступившим Новым годом и Рождеством!

Григорян Лев Арменович.

9-1-2020 Тамара Николаевна! Примите поздравления с прошедшим Рождеством Христовым и наступающим Старым Новым годом! Пусть в этом году все в Австралии наладится! Сми пишут про страшные лесные пожары которые охватили весь континент. Публикуются жуткие фото. Молюсь о вас и о Австралии. Может быть нужна какая то помощь или поддержка, - пишите. С надеждой, что Господь Бог не оставит вас.

Всегда ваш, друг и автор, **Сергей Калинин.**

16-1-2020 Тамара, позвольте поздравить Вас с наступившим Новым годом и Рождеством Христовым! Желаю успеха во всех Ваших начинаниях, плодотворных идей и вдохновения во всех, даже мало-мальских делах! С уважением, **Владимир Бодров.**

Дорогие авторы, читатели и друзья журнала! От всего сердца благодарю всех за поздравления и добрые пожелания, за ваш благородный труд, терпение, понимание и постоянную поддержку. Т.М.

Тузик и его друзья

Дорогие маленькие читатели! Тузик и все его друзья находятся сейчас на строгом карантине. Сами понимаете, дело серьёзное и рисковать нельзя, ведь кошки, собачки, попугаи и сороки, и даже Рябушки тоже могут заболеть. Но как только они поправятся, сейчас же снова начнут шалить и радовать вас своими весёлыми историями.

Детская страничка

Январь

Солнце чуть повыше стало,
День немного прибывает,
Белоснежным одеялом
Лес укрыт, мороз крепчает.

Очень голодно зимою...
Ёж, барсук и мишка спят,
Серый волк с лисой-кумою
Ловят мышек и зайчат.

Объедают в роще лоси
Деревца, кору, кусты,
Шишки ёлочек и сосен
Любят белки и клесты.

Вьюги в поле хороводят,
Сном глубоким спят леса,
По ночам там сказки бродят,
Происходят чудеса.

Утром - небо золотится,
Дым из труб идёт столбом,
Самоцветами искрится
Снег, покрывший все кругом.

В этом месяце, ребятки,
От Христова Рождества
До Крещенья будут Святки -
Дни святого торжества.

Людмила Громова.
Сайт "Свете Тухий"

Ёлочка, придя на карнавал,
Маску волка серого надела
И сказала: – Я бы так хотела,
Чтоб меня никто здесь не узнал.
Ведь на новогоднем карнавале
Мне не приходилось быть ни разу...
Но, увы, её узнали сразу
По зелёной и колючей шали!

Евгений Валерьевич Новицкий.

Ежонок и ёлка

Говорит ежонку ёлка:
- Погляди-ка на меня,
Как и ты, я вся в иголках,
Значит, мы с тобой родня!
А ежонок ей в ответ:
- Что ты, ёлка! Всего нет.
Хоть колюча ты, но всё же
Быть роднёю мне не можешь.
У меня среди родни
Только ёжики одни!

Евгений Валерьевич Новицкий.

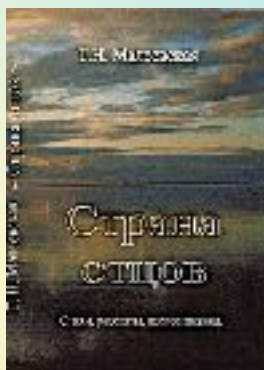
“Жемчужина” № 77 - Январь 2020

СОДЕРЖАНИЕ

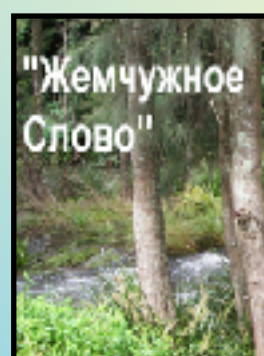
Отче Наш (стих. А.С. Пушкин)	1
Рождество Христово (стих. В.К. Невярович)	1
Этот мир из неслышанной сказки... (стих. Т.И. Грибанова)	1
Бедные родственники (миниат. Алла Слонимерова)	2
А за окном гуляют... (стих. Елена Бродская)	2
Найду ль такой порядок слов... (стих. А. Лазутин)	2
О силе и зле (продол. статьи, И. Ильин)	3
Пока мы живы... (стих. Э. Асадов)	5
Февраль - Лес задумался... (стих. Артём Миронов)	5
Крест среди снежной... - Памяти Р. Скотта (стих. Валерий Румянцев)	5
Харбин - осколок России (Т.Н. Малеевская)	6
В ссылке (рассказ, А.П. Чехов)	8
Акварели (миниат. А. Герасимов)	11
Снегопад (стих. Светлана Скорик)	12
Святое Семейство (стих. ВК Невярович)	12
Серебро легло на золото... (стих. Светлана Тишкина)	12
Когда рак свистнул (рассказ, Тэффи)	13
Вот и снова зима... (стих. Т.И. Грибанова)	15
А холодно не только от погоды... (стих. Сергей Лапыткин)	15
Влюбляются не в лица... (стих. Анна Шаркунова)	15
Маэстро (рассказ, свящ. Николай Толстиков)	16
Будущее уже с нами (рассказ, С.Е. Криворотов)	18
Переводчица (рассказ, Тэффи)	19
Птица-зима (стих. Ирина Журавлева)	20
Двуручная пила (рассказ, Ген. Гончаров)	21
Однажды на корабль (стих. Джалаладдин Руми.)	24
Друзья вчерашние... (стих. И. Нечипорук)	25
Звезда-свеча (стих. В.Б. Рыженков)	25
При бурных реках Вавилона (стих. Е. Новицкий)	25
Когда бы доверяли... (стих. Джалаладдин Руми.)	25
Гнёт (стих. В. Румянцев)	25
Ещё раз о зелёных человечках (рассказ, С.Е. Криворотов)	26
Снег... (стих. Ирина Журавлева)	28
Февраль - То метели... (стих. Людмила Громова)	28
Глаза собаки (стих. Станислав Федотов)	28
Саломея (роман, А.Ф. Вельтман)	29
Ночной порой... (стих. А. Лазутин)	38
Улица безлюдная... (стих. Юрий Берг)	38
Чёрная женщина (роман, Николай Греч)	39
Никогда никому не завидуй (стих. Инесса Федотовская)	48
Письма читателей	49
Тузик и его друзья (сообщение - Т. М.)	52
Январь - Солнце чуть повыше... (стих. Людмила Громова)	52
Ёлочка придя.. (стих. Е. Новицкий)	52
Ежонок и ёлка (стих. Е. Новицкий)	52

Над номером работали: редактор Т.Н. Малеевская.

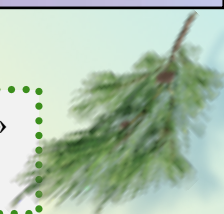
Электронную версию журнала читать в Интернете - <http://zhemchuzhina.yolasite.com>

ВНИМАНИЕ !
 Вышла в свет новая книга:
Т.Н. Малеевская
«ВИДЕНИЯ» -
 - Избранные стихи, рассказы,
 воспоминания, путевые заметки -
 За справками обращаться –
 tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

Литературный кружок «Жемчужное Слово»
<http://zhemchuzhnojeslovo.yolasite.com>

Сайты связанные с журналом «Жемчужина»
 Электронная версия журнала «Жемчужина»
<http://zhemchuzhina.yolasite.com>
 Новый сайт «Русское Зарубежье»
 Посвящается Харбинцам
 и послевоенным эмигрантам из Европы -
<http://russkojezarubezhje.yolasite.com>
 Также личный сайт автора -
tamaleevwriting.yolasite.com

Авторские Видео в YouTube
 Видеозаписи можно смотреть на YouTube
<https://www.youtube.com/channel/UCL7DgIlg6NNWRtSooYMdF0g>
 или
 просто в YouTube набрать имя * Tamara Maleevsky *